2 шт
и

ИЗЪ

РЕВОЛЮЦІОННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Пров 4

Изъ

революціонной русской литературы

I.

1901-ый годъ въ Россіи. — Финляндскія событія. Памяти народной воли. — Военщина противъ гражданъ. — О демонстраціяхъ. — Какъ царь и его министры правятъ Россіей.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
1902.

HP

Содержаніе.

I. 1901-ый годъ въ Россіи 7
II. Финляндскія событія 39
III. Памяти народной воли 85
IV. Военщина противъ гражданъ 103
V. О демонстраціяхъ 121
VI. Какъ царь и его министры правятъ Россіей 135

I.

1901-й годъ въ Россіи.

Голодъ, промышленный кризисъ, безработица, звѣрская расправа съ рабочими, со студентами, со всѣми, въ комъ хоть изрѣдка просыпается сознаніе личнаго и гражданскаго достоинства; аресты и высылка изъ столицы и всѣхъ промышленныхъ центровъ сотенъ писателей и мало-мальски честныхъ и отзывчивыхъ людей; высылка по этапу „на родину“ десятковъ тысячъ рабочихъ, единственное преступленіе которыхъ состоитъ въ томъ, что прекратившіе работу заводы выбросили ихъ на улицу, гдѣ они, голодные и истощенные, являлись „опаснымъ и безпокойнымъ элементомъ“ въ глазахъ царскихъ жандармовъ и полиціи; уничтоженіе послѣднихъ слѣдовъ земскаго и городского „самоуправленія“; воспрещеніе газетъ и журналовъ; сжиганіе мало-мальски честныхъ книгъ; гоненіе на все,

что хочетъ жить и мыслить; гоненія на поляковъ, на евреевъ, на финляндцевъ, на армянъ, на сектантовъ:

Вѣчный гулъ подавленныхъ страданій, да нахальное хозяйничанье большихъ и малыхъ помпадуровъ, да свистъ нагаекъ и пальба по народу, — вотъ картина, которая развертывается предъ глазами, когда пробуешь подвести итогъ тому, что произошло въ текущемъ году на нашей родинѣ, — итогъ новымъ преступленіямъ, совершеннымъ царскимъ самодержавіемъ, новымъ цѣлямъ, которыми сковало оно и безъ того связанный по рукамъ и ногамъ русскій народъ.

Но есть и свѣтлыя полосы на этой мрачной, тяжелой, точно кошмаръ, картинѣ, и эти первыя полосы утренней зари сулятъ такой великолѣпный восходъ солнца, что мы, соціаль-демократы, все-же должны быть довольно 1901 годомъ. Этотъ первый-же годъ новаго вѣка ознаменованъ у насъ такими событіями, свидѣтельницей которыхъ Россія давно уже не была, и такими фактами, какихъ она еще никогда не видывала. Вступная въ XX столѣтіе, Россія какъ бы устыдилась того, что въ семьѣ евровейскихъ народовъ она

одна терпитъ еще у себя азіатскій политическій строй, и снова, послѣ долгихъ лѣтъ позорнаго рабскаго молчанія, начала, хотя и робко пока, борьбу съ самодержавіемъ; и во главѣ борющихся, по праву, сталъ организованный пролетаріатъ, подъ широко развернутымъ краснымъ знаменемъ всемірной соціальдемократіи.

Увы! — мы знаемъ, что борьба начата слишкомъ робко и нерѣшительно, что послѣ первыхъ-же схватокъ врагъ оказался побѣдителемъ, что называется, по всей линіи. Но позиціи заняты, положеніе воюющихъ сторонъ, насколько это только возможно, выяснено. Въ этомъ историческій смыслъ тѣхъ волненій, которыя имѣли мѣсто въ Россіи въ этомъ году. Съ этой точки зрѣнія, событія этого года крайне поучительны.

* * *

Годъ начался бурно. Самодержавіе, со своей стороны, какъ бы бросило вызовъ наступавшему XX вѣку и встрѣтило его однимъ изъ тѣхъ преступленій своихъ, которыми оно какъ бы заявляетъ, что колесо времени для него не движется, что и въ XX вѣкѣ оно

намѣрено творить такія дѣла, какія въ Зап. Европѣ имѣли мѣсто только въ средніе вѣка. Сотни студентовъ за чисто университетскія дѣла были отданы въ солдаты. Началась борьба.

Каковъ смыслъ ея? Самодержавіе, чтобы поддерживать свое существованіе, д о л ж н о давить своей желѣзной рукой всѣ проявленія соціальной, политической и умственной жизни страны. Одна и та же желѣзная рука самодержавія душитъ все въ Россіи, она видна всюду — во всѣхъ гоненіяхъ, во всѣхъ притѣсненіяхъ, какой бы угнетенный злой населенія и въ какомъ бы углу страны ни являлся въ каждомъ данномъ случаѣ ихъ жертвами. И это, до извѣстной степени, создаетъ солидарность всѣхъ угнетаемыхъ самодержавіемъ слоевъ населенія, какую бы форму этотъ гнетъ ни принималъ по отношенію къ каждому отдѣльному слою. Пролетаріатъ не можетъ добиться свободы — какъ бы ничтожна она ни была — только для себя, — и чтобы въ то-же время самодержавіе продолжало душить студентовъ. Студенты не могутъ добиться малейшей крупицы свободы только для себя, — и чтобы въ то-же время

самодержавіе продолжало душить пролетаріатъ, крестьянство, даже земское и городское замоуправленіе, даже поляковъ, финляндцевъ, евреевъ и пр. Самодержавіе не можетъ дѣлать никакихъ уступокъ никакимъ требованіямъ свободы, не ступивъ тѣмъ самимъ на путь, который, рано или поздно, неминуемо приведетъ его къ смерти. Каждая крупица свободы рождаетъ враговъ самодержавія. Вотъ почему самодержавіе душитъ все и всѣхъ, гдѣ и кто стремится къ свободѣ. И вотъ почему, повторяемъ, гнетъ самодержавія до извѣстной степени сближаетъ и объединяетъ всѣхъ, на кого онъ распространяется. Вотъ почему, наконецъ, когда какой-нибудь слой населенія начинаетъ бороться за свободу, хотя бы только за свою свободу, пролетаріатъ, которому свобода нужна больше, чѣмъ всѣмъ другимъ классамъ, долженъ вмѣшаться въ борьбу, широко развернувъ свое красное соціалистическое знамя и не сходя съ почвы своихъ классовыхъ интересовъ, и поддержать поднявшихся противъ царизма.

Самодержавіе не могло, конечно, не сковать своими цѣпями и университеты. Свободная

наука связана со свободой критики по отношенію ко всѣму и всѣмъ, она часто воспитываетъ независимыхъ людей, — самодержавіе должно, подъ страхомъ смерти, пытаться поработить науку. Среди студентовъ рекрутировались часто самоотверженные борцы за свободу и соціализмъ, — самодержавіе опутало ихъ драконовскимъ уставомъ 1884 г., наводнило ииверситетъ всевозможными шпіонами, воспретило всѣ виды студенческихъ организацій, — кассы взаимопомощи, библіотеки, столовыя, товарищескій судъ, — заставило ихъ носить холопскій мундиръ, повысило плату за слушаніе лекцій, лишаетъ всякихъ пособій мало-мальски независимыхъ, ограничило доступъ евреевъ, разорвало всякую связь между студентами и честными профессорами, удалило изъ университетовъ всѣхъ порядочныхъ профессоровъ, развращаетъ и грязнитъ студентовъ подачками, подкупомъ и взаимнымъ шпіонствомъ, — словомъ, создало въ университетѣ атмосферу, въ которой задыхаются юноши съ пытливымъ умомъ и отзывчивой душой. А чтобы юноши приходили въ университетъ уже изуродованными и исковерканными и умственно, и нравствен-

но, ихъ начинаютъ калѣчить и развращать еще съ дѣтства — въ гимназіяхъ, гдѣ въ мальчикахъ убиваютъ въ зародышѣ живую мысль и твередый независимый характеръ. Не то ли видимъ мы и въ низшихъ народныхъ школахъ, отданныхъ подъ безконтрольную власть Побѣдоносцевыхъ, одурманивающихъ крестьянскихъ и рабочихъ дѣтей въ своихъ церковныхъ школахъ и школахъ грамотности? Такъ уродуется поколѣніе за поколѣніемъ, такъ отнимаются у страны молодыя силы, которыя съ пользою могли бы служить ей на всѣхъ поприщахъ умственной и общественной дѣятельности, — и все это только для того, чтобы самодержавіе могло продолжать существовать.

Но какъ ни калѣчатъ подрастающія поколѣнія начиная съ нѣжнаго дѣтскаго возраста, въ университетъ все-же попадаетъ достаточно живыхъ юношей, которые задыхаются въ окружающей ихъ удушливой атмосферѣ. И вотъ, отъ времени до времени студенты „волнуются“. Чего они требуютъ? Болѣе чистаго воздуха въ университетѣ, свободы преподаванія, свободы занятій, уваженія къ ихъ человѣческому и гражданскому достоинству,

возможности собираться и сообща заниматься, сообща обсуждать свои студенческія дѣла. Но самодержавіе не можетъ имъ этого дать, — для сохраненія своего существованія оно должно держать университеты и студентовъ въ своихъ желѣзныхъ тискахъ. И вотъ, чисто студенческія волненія изъ-за свободы науки и свободы преподаванія по необходимости, желаютъ ли этого студенты или нѣтъ, превращаются въ политическую борьбу съ царизмомъ. Такъ каждый угнетенный слой русскаго народа, разъ онъ только начинаетъ бороться хотя бы только за свои чисто групповые интересы, по необходимости сталкивается съ самодержавіемъ и неизбѣжно приходитъ къ заключенію, что прежде всего необходимо свергнуть самодержавіе — этого общаго врага всего русскаго народа.

Со времени введенія устава 1884 г. студенты часто волновались (мы оставляемъ въ сторонѣ прежнія волненія), но самодержавіе быстро и жестоко расправлялось съ ними. Такъ называемое либеральное „общество“, трусливое и безсильное, „сочувствовало“ имъ... въ своихъ кабинетахъ и помалкивало. Вѣроятно,

тоже самое произошло бы и въ этомъ году. Правда, мѣры, принятыя противъ студентовъ, были слишкомъ звѣрскія, такъ что волненія были бы болѣе продолжительны. Правда также, что одинъ студентъ-революціонеръ, Карповичъ, возмущенный до глубины души этими звѣрскими мѣрами, выстрѣломъ изъ револьвера, при всеобщихъ аплодисментахъ, скосилъ непосредственнаго исполнителя царской воли, министра Боголѣпова. Но этотъ геройскій подвигъ соціалиста, облегчивъ общественную совѣсть нашихъ либераловъ и демократовъ, вѣроятно, совсѣмъ бы ихъ успокоилъ: правительству, дескать, отомстили, его „напугали", — „авось" оно и образумится, — и студенты, какъ и въ прежніе годы, были бы отданы въ жертву царскимъ башибузукамъ. Но тутъ произошло явленіе, которое не только рѣшительно измѣнило дальнѣйшій ходъ событій, но и сразу освѣтило единственный путь, ведущій къ уничтоженію самодержавія. Явленіе это — вмѣшательство въ борьбу пролетаріата. Стоило только тысячамъ рабочихъ выйти на улицу и присоединиться къ манифестирующимъ студентамъ, какъ положеніе дѣлъ сразу и рѣзко измѣнилось. И

студенты, и „общество“ по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ воспряли духомъ. Они поняли, что на политической сценѣ появился новый, настоящій борецъ, который, если не сейчасъ, то въ недалекомъ будущемъ явится болѣе грознымъ, чѣмъ вся армія и жандармерія, всѣ пушки и нагайки царизма, борецъ, который одинъ только и обладаетъ той богатырской рукой, которая сломитъ крѣпость самодержавія. Тогда начался рядъ памятныхъ манифестацій въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Казани, тогда и писатели стали протестовать, и либералы стали петиціи подавать, и все „общество“ начало волноваться. Правительство растерялось, и въ то время, какъ въ прежніе годы оно, сильное всеобщимъ безсиліемъ, неуклонно приводило въ исполненіе всѣ свои угрозы, теперь оно увидѣло себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ хитрости и, по крайней мѣрѣ, сдѣлать видъ, что склонно пойти на уступки. Оно знало, что рабочіе еще недостаточно организованны, что соціаль-демократическія идеи недостаточно глубоко проникли въ ихъ среду, недостаточно широкія сферы рабочихъ охватили, и оно знало также, что безъ поддержки про-

летаріата студенты слишкомъ безсильны, а либеральное „общество“ слишкомъ трусливо, чтобы продолжать борьбу. И вотъ, по настоянію Побѣдоносцева, царь заговорилъ о „сердечномъ попеченіи“ объ учащейся молодежи, обѣщалъ рядъ реформъ въ школьномъ дѣлѣ, обѣщалъ привлечь общество и родителей къ обсужденію этихъ реформъ. Либералы стали млѣть и таять. „Наступаетъ новая эра!“ — заголосили они на всѣ лады и стали предаваться сладкимъ мечтамъ, а студентовъ удерживать отъ дальнѣйшихъ манифестацій. Сами студенты также раздѣлились: одни изъ нихъ, достойные сыны буржуазіи, не прочь были поманифестировать за свои университетскія права, но вовсе не хотѣли идти рука объ руку съ рабочими, которые требуютъ революціи и соціализма; другіе повѣрили правительству и либераламъ и рѣшили ждать, что̀, дескать, дастъ правительство; третьи, соціаль-демократы, были слишкомъ немногочисленны, чтобы могли одни продолжать борьбу. Между тѣмъ правительство, все еще продолжая пѣть сладкія пѣсни о „попеченіи“, „любви“, „реформахъ“, круто прибирало всѣхъ къ рукамъ: сотни писателей и общественныхъ

дѣятелей высланы были изъ столицы и всѣхъ промышленныхъ центровъ, тысячи революціонеровъ и рабочихъ были арестованы, высланы на родину, отданы подъ гласный надзоръ печать заставили молчать, земствамъ и городскимъ думамъ воспрещено было заниматься обсужденіемъ школьной реформы, сотни студентовъ оставлены внѣ стѣнъ университета. — Теперь, когда мы пишемъ эти строки (октябрь 1901 г.), о реформѣ все еще говорятъ, но никто уже въ нее не вѣритъ. Либералы поняли, что ихъ обманули, но поздно . . .

Рабочіе, со своей стороны, нѣкоторое время продолжали борьбу одни — на манифестаціяхъ 1-го мая, въ стычкахъ съ войсками и полиціей въ Петербургѣ, Тифлисѣ и др. городахъ. Но скоро и въ этой средѣ былъ водворенъ внѣшній „порядокъ“: борьба не прекратилась, она продолжается, но нѣтъ уже размаха февральскихъ и мартовскихъ дней . . .

Что говорятъ намъ эти факты? А то, что много есть въ Россіи угнетенныхъ слоевъ населенія, много слоевъ населенія заинтересовано въ томъ, чтобы самодержавіе было свергнуто, но есть одинъ

только классъ, достаточно многочисленный и достаточно крѣпкій, чтобы выполнить эту задачу. И точно такъ же, какъ всемірный пролетаріатъ, борясь за свое освобожденіе, котораго онъ можетъ достигнуть только съ замѣной капиталистическаго общества — соціалистическимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ борется за освобожденіе всего человѣчества, точно такъ же русскій пролетаріатъ, борющійся за введеніе политической свободы, безъ которой онъ не въ состояніи бороться за свое соціальное освобожденіе, вмѣстѣ съ тѣмъ борется за политическое освобожденіе всѣхъ угнетенныхъ слоевъ русской націи. Его интересы въ данномъ случаѣ совпадаютъ съ интересами націи. И между тѣмъ, какъ въ странахъ зап. Европы задачу уничтоженія самодержавія выполнила демократическая буржуазія при нѣкоторомъ участіи кое гдѣ рабочаго класса, то въ Россіи честь выполненія этой задачи выпала на долю соціалистическаго пролетаріата. Но если пролетаріатъ долженъ взять на себя иниціативу борьбы съ самодержавіемъ, если онъ долженъ явиться единственной наиболѣе активной, наиболѣе могучей силой въ арміи борющихся, то не онъ одинъ будетъ

вести эту борьбу. Стоитъ только пролетаріату рѣшительно и смѣло взять дѣло борьбы съ самодержавіемъ въ свои руки, какъ вся соціалистическая интеллигенція, въ настоящее время раздѣленная на разныя группы и партіи, способная, какъ показала наша исторія, на поистинѣ геройское самоотверженіе, но сама по себѣ безсильная и безпомощная по своей ничтожной численности, цѣликомъ къ нему примкнетъ. Стоитъ пролетаріату выступить дѣйствительной, сознательной политической силой и показать, что онъ дѣйствительно способенъ помѣряться съ самодержавіемъ, какъ наши трусливые либералы и демократы, какъ отдѣльные представители всѣхъ угнетенныхъ слоевъ населенія воспрянутъ духомъ и почувствуютъ рѣшимость тоже начать борьбу. Тогда падетъ твердыня самодержавія — и пролетаріатъ сможетъ начать борьбу за свое окончательное соціальное освобожденіе.

Но для того, чтобы русскій пролетаріатъ могъ выполнить эту первую, насущнѣйшую задачу, которую ставитъ передъ нимъ исторія, чтобы онъ могъ добиться политической свободы, безъ которой онъ не въ состояніи жить

и развиваться, чтобы въ моментъ политическаго переворота онъ могъ добиться наиболѣе демократической конституціи, которая обезпечила бы необходимыя ему политическія права, — онъ долженъ сплотиться въ одну единую, крѣпкую и сознательную боевую партію — войти въ ряды Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

* * *

Въ Россіи свирѣпствуетъ въ этомъ году сильный промышленный кризисъ. Начавшись въ 1899 г., онъ въ 1901 г. достигъ обширнѣйшихъ размѣровъ, охватывая одну отрасль промышленности за другой. Промышленные кризисы — явленіе, присущее всѣмъ капиталистическимъ странамъ, и спеціально самодержавіе въ немъ винить не приходится. Но если самодержавіе не является непосредственнымъ виновникомъ кризиса, то при существованіи самодержавія пролетаріату неизмѣримо труднѣе бороться съ его послѣдствіями. Въ странахъ, гдѣ существуетъ политическая свобода, гдѣ рабочіе имѣютъ право объединяться въ профессіональные союзы, они имѣютъ возможность облегчать бѣдствія, которыя влечетъ

за собой кризисъ — пониженіе заработной платы, сокращеніе производства, безработица, — они имѣютъ возможность противостоять давленію капиталистовъ, которые не прочь воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ рабочихъ чтобы свыше мѣры сократить заработную плату, выбросить на улицу наиболѣе дѣятельныхъ пропагандистовъ и организаторовъ и пр., и пр. Тамъ сильные рабочіе синдикаты обладаютъ денежными запасами и могутъ хоть въ теченіе нѣкотораго времени поддерживать лишающихся работы членовъ своихъ и такимъ образомъ смягчаютъ конкурренцію самихъ рабочихъ между собою, которою капиталисты пользуются обыкновенно, чтобы самымъ безсовѣстнымъ образомъ понижать заработную плату; тамъ синдикаты хоть въ нѣкоторой мѣрѣ организуютъ дѣло страхованія отъ безработицы; тамъ рабочіе заставляютъ иногда государство и муниципалитеты предпринимать общестственные работы для доставленія заработка выброшеннымъ на улицу рабочимъ; тамъ синдикаты не даютъ фабрикантамъ разсчитывать своихъ наиболѣе дѣятельныхъ товарищей и т. д. При самодержавіи все это невозможно. Отсутствіе

профессіональныхъ рабочихъ организацій отдаетъ рабочихъ въ полную власть фабрикантамъ, къ которымъ приходитъ еще на помощь услужливое правительство. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ мы видѣли, какъ фабриканты и заводчики постепенно понизили заработную плату на 20—30%, отняли у рабочихъ почти все то, чего они добились энергичной борьбою ряда лѣтъ, выбросили на улицу всѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, наиболѣе дѣятельно занимался пропагандой и организаціей рабочихъ. Пролетаріатъ, лишенный какихъ бы то ни было средствъ борьбы на чисто профессіональной почвѣ, оказался безпомощнымъ и безсильнымъ. Стачки фабрикантъ теперь не боялся, потому что, вынужденный сократить производство, онъ ничего не терялъ отъ временной пріостановки работы.

Предпріятія лопались одно за другимъ. Десятки тысячъ рабочихъ оказались на улицѣ, безъ куска хлѣба.

Что сдѣлало правительство? А то, что правительство, находящееся въ услуженіи у капиталистовъ, можетъ и должно дѣлать. Оно заключило заемъ въ 160 мил. рублей, за ко-

торый расплачиваться будутъ неимущіе классы, и роздало добрую часть полученныхъ такимъ образомъ денегъ разнымъ банкирамъ, фабрикантамъ и заводчикамъ, чтобы поддержать ихъ въ трудную минуту. Дало ли оно хоть одну копѣйку рабочимъ, буквально умиравшимъ съ голоду? Какъ бы не такъ! Для рабочихъ азіатское правительство припасло другія средства. Десятки тысячъ рабочихъ высланы были изъ столицы и другихъ промышленныхъ центровъ. Цѣлые поѣзда увозили изъ Петербурга рабочихъ, набитыхъ, словно сельди, въ товарные и скотскіе вагоны, ночью, тайкомъ, точно воровъ и злодѣевъ. Изъ людей въ теченіе годовъ выжимали всѣ силы, чтобы кучка эксплуататоровъ могла наживаться; теперь они оказались ненужными — и ихъ не только выбрасываютъ на улицу, но выгоняютъ изъ города, въ которомъ они обжились уже, гдѣ они имѣли товарищей, друзей, знакомыхъ, семью можетъ быть, дѣтей, которые, можетъ быть, учились въ школахъ, выгоняютъ чуть не по этапу, „на родину“. На родину! Т. е. въ какую-нибудь глухую деревушку, съ которой давнымъ давно порвана всякая связь, гдѣ нѣтъ ника-

кой возможности найти какую бы то ни было работу, гдѣ цѣлый рядъ лѣтъ свирѣпствуетъ ужасный голодъ, гдѣ по улицѣ слоняются, словно тѣни, измученные, изнуренныя, прибитыя, загнанные кресьяне . . . Что можетъ лучше подобныхъ фактовъ характеризовать общественный и государственный строй страны?! . . .

Тяжелы и мучительны эти страданія, но они имѣли свою хорошую сторону: они раскрываютъ пролетаріату глаза на истинный характеръ его положенія, они освѣтили ему единственный путь, который можетъ приблизить его къ осуществленію его цѣли. Наше массовое рабочее движеніе возникло въ моментъ такъ называемаго расцвѣта промышленности. Фабриканты нуждались въ рабочихъ. Заваленные заказами, они дорожили каждой минутой работы, потому что каждая минута приносила имъ новую прибыль. Прибыль — сказочная по размѣрамъ, о какой западноевропейскіе или американскіе фабриканты и помышлять не могутъ — прибыль была такъ высока, что фабрикантамъ неизмѣримо выгоднѣе было дѣлать рабочимъ небольшія уступки, чѣмъ останавливать работу, что прекра-

щало притокъ прибыли. Понятно, что при такихъ условіяхъ рабочіе сравнительно легко добивались уступокъ. Большинство стачекъ — около $^2/_3$ — кончалось частичной или полной побѣдой рабочихъ. И вотъ, сравнительная легкость, съ какой доставались эти побѣды, породила среди нѣкоторыхъ рабочихъ и тѣхъ, что руководили рабочимъ движеніемъ, мысль, что однѣми стачками, одной экономической борьбой рабочіе могутъ добиться значительнаго и прочнаго улучшенія своего положенія, могутъ постепенно добиться свободы стачекъ, свободы собраній, свободы слова, свободы объединяться въ свои рабочіе союзы. Нѣкоторые изъ такихъ умниковъ додумались даже до того, что рабочимъ-де не слѣдуетъ вмѣшиваться въ политику, что пусть, дескать, либералы да студенты борются за политическую свободу, а рабочіе не должны сходить съ почвы „чисто-рабочаго движенія“, т. е. съ почвы борьбы за повышеніе расцѣнокъ да сокращеніе рабочаго дня. Имъ казалось, что стачечная борьба будетъ всегда легка и успѣшна, а нѣкоторые изъ подобныхъ имъ западно-европейскихъ умниковъ (Бернштейнъ и его товарищи) говорили имъ, что теперь

нечего больше бояться кризисовъ, что время кризисовъ прошло.

Были другіе „руководители“ рабочаго движенія, которые, хотя стояли за то, что рабочимъ политическая свобода необходима, какъ свѣтъ и воздухъ, но почему-то недостаточно довѣряли уму и силамъ рабочихъ. Рабочіе, говорили они, не въ состояніи сразу понять, что имъ необходимо бороться за политическую свободу. Какъ школьнику-де нужно прежде показать цифры, а потомъ уже можно учить его дѣлать сложеніе и вычитаніе, такъ и рабочій долженъ пройти стадію чисто-экономической борьбы, и ужъ въ самой борьбѣ постепенно приходить къ пониманію того, что ему необходима свобода стачекъ, потомъ — свобода собраній, потомъ — свобода объединяться въ союзы, потомъ, наконецъ, политическая свобода вообще. При этомъ одни вѣрили, что рабочіе могутъ дѣйствительно добиться всѣхъ этихъ свободъ, а другіе считали такой пріемъ постепеннаго расширенія круга пропагандируемыхъ идей въ широкой массѣ рабочихъ лишь педагогическимъ (учительскимъ) пріемомъ нагляднаго обученія школьниковъ, т. е. рабочихъ.

Всѣ такія и подобныя рѣчи несомнѣнно сильно задерживали объединеніе пролетаріата въ одну партію и проникновеніе въ его среду соціаль-демократическихъ идей. Рабочимъ много говорили о пользѣ стачекъ, о необходимости экономической борьбы, но почти не говорили или говорили очень мало о политической борьбѣ. Рабочіе, дѣйствительно, устраивали много стачекъ, много боролись на экономической почвѣ, но дѣло политической свободы отъ этого очень мало подвигалось впередъ.

Но вотъ, вопреки всѣмъ предсказаніямъ Бернштейна и его послѣдователей, разразился кризисъ.

Тутъ-то рабочіе сами, вопреки нѣкоторымъ своимъ „руководителямъ“, поняли, почувствовали всю безправность своего положенія. Пока стачечная борьба шла успѣшно, они въ массѣ довольствовались тѣми ничтожными уступками, которыя она приносила, ожидая, что впредь можно будетъ добиваться еще новыхъ и новыхъ уступокъ. Теперь вдругъ орудіе, которое казалось имъ столь вѣрнымъ и испытаннымъ, оказывалось само по себѣ хрупкимъ и малонадежнымъ. Оказалось, что

путемъ однѣхъ стачекъ нельзя добиться ни прочнаго улучшенія экономическаго положенія, ни свободъ, необходимыхъ рабочему классу. Больше того, оказывается, что на неопредѣленное время приходится почти совсѣмъ отказаться отъ стачекъ во многихъ отрасляхъ промышленности, потому что хозяева въ большинствѣ случаевъ ихъ теперь не боятся. И рабочіе невольно должны были подумать объ иныхъ средствахъ борьбы, невольно взоры ихъ должны были обратиться къ тому врагу, уничтоженіе котораго является необходимымъ предварительнымъ условіемъ дальнѣйшаго успѣшнаго развитія рабочаго движенія. „Намъ нужна свобода! Долой самодержавіе!“ — стало раздаваться на рабочихъ манифестаціяхъ. И въ короткое время рабочіе въ главныхъ промышленныхъ центрахъ достигли такой степени политической зрѣлости, что, когда студенты, борясь за свои университетскія свободы, столкнулись съ самодержавіемъ, они, не колеблясь, вмѣшались въ борьбу, что и придало ей такой серьезный характеръ.

Эти событія, этотъ рѣзкій поворотъ въ настроеніи рабочихъ послужили хорошимъ уро-

комъ тѣмъ изъ руководителей рабочаго движенія, которые такъ недовѣрчиво относились къ политической зрѣлости пролетаріата и поэтому недостаточно способствовали развитію его политическаго сознанія. И надо имъ отдать справедливость — они поспѣшили пойти навстрѣчу этому теченію и заговорить совсѣмъ другимъ языкомъ. Въ настоящее время большинство соціаль-демократовъ сознаетъ, что низверженіе самодержавія является для русскаго пролетаріата ближайшей, насущнѣйшей задачей и что къ выполненію ея должны быть направлены всѣ его усилія. Этимъ въ значительной степени подготовлена почва для объединенія всѣхъ русскихъ соціаль-демократовъ въ одну единую партію, и сознательные соціаль-демократы должны желать, чтобы это объединеніе стало возможно скорѣе совершившимся фактомъ. Но они должны въ тоже время желать и требовать, чтобы это объединеніе произошло на почвѣ революціонно-марксистской программы. Только при такихъ условіяхъ объединенная соціаль-демократія въ состояніи будетъ съиграть ту роль въ ближайшемъ освободительномъ движеніи, какую она должна была бы и могла бы съиграть.

* * *

Пока городской пролетаріатъ переживалъ всѣ ужасы, которые приноситъ съ собой промышленный кризисъ, на крестьянъ снова и снова надвигалось черное бѣдствіе — голодъ, который въ нѣкоторыхъ губерніяхъ не перестаетъ свирѣпствовать вотъ уже рядъ лѣтъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ (циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 17-го августа), неурожай постигъ губерніи: Вятскую, Воронежскую, Екатеринославскую, Казанскую, Оренбургскую, Пермскую, Самарскую, Саратовскую, Симбирскую, Таврическую, Уфимскую и Харьковскую. По проникшимъ же въ печать свѣдѣніямъ, къ этому длинному списку нужно прибавить еще Донскую область и губерніи Нижегородскую, Курскую, Пензенскую, Тамбовскую, Рязанскую и Калишскую. Можно сказать, что больше, чѣмъ четвертой части русскихъ крестьянъ въ теченіе предстоящей зимы и будущей весны придется въ буквальномъ смыслѣ слова умирать съ голоду.

Если промышленные кризисы присущи всѣмъ капиталистическимъ странамъ, независимо отъ ихъ государственнаго устройства,

то въ предѣлахъ Европы повальный голодъ есть спеціально русское явленіе; лишь въ самодержавной Россіи милліоны людей переживаютъ всѣ муки голода. Въ текущемъ же году довольно сильный неурожай постигъ Францію, Германію и нѣкот. др. страны, но нигдѣ, за исключеніемъ Россіи, народу не придется умирать съ голода.

Бѣдствіе въ этомъ году будетъ тѣмъ болѣе ужасно, что самодержавіе, душащее всѣ проявленія общественной и личной иниціативы, отняло у земства дѣло помощи народу и передало его въ руки своихъ чиновниковъ, обставило крайними стѣсненіями и затрудненіями всякую работу частныхъ лицъ въ деревняхъ, устройство частныхъ столовыхъ, сборъ пожертвованій путемъ печати, спектаклей, концертовъ и проч. Стоитъ вспомнить, какъ торговалось правительство съ земствами изъза каждой копѣйки въ то время, какъ продовольственное дѣло велось на глазахъ у всѣхъ, чтобы представить себѣ, что будетъ оно творить теперь, прикрытое канцелярской тайной. А затѣмъ, какая ничтожная доля дойдетъ до крестьянъ изъ тѣхъ жалкихъ грошей, кото-

рые самодержавіе отпуститъ наконецъ, разъ эти деньги пройдутъ предварительно черезъ руки чиновниковъ, безконтрольно распоряжающихся всѣмъ дѣломъ? Кто согласится жертвовать что-нибудь, зная заранѣе, что его средства пойдутъ не на хлѣбъ крестьянскимъ дѣтямъ, а на пьянство и кутежи царскихъ ставленниковъ? Кто поѣдетъ, какъ въ прежніе годы, въ голодающія деревни, гдѣ помогать народу теперь, по новому закону, можно будетъ лишь подъ началомъ пьяныхъ, невѣжественныхъ, грубыхъ и развратныхъ полицейскихъ чиновъ?

И точно такъ-же, какъ въ городахъ, въ борьбѣ съ промышленнымъ кризисомъ, правительство пришло на помощь сытымъ и жирнымъ фабрикантамъ, оставивъ на долю рабочихъ высылки по этапу, нагайки и тюрьмы, точно такъ-же и въ борьбѣ съ голодомъ правительство пришло на помощь сытымъ дворянамъ, предоставивъ имъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ пріобрѣтать въ собственность казенныя земли въ Сибири, оставивъ на долю крестьянъ голодные пайки, которыхъ недостаточно будетъ даже для того, чтобы прокормить дѣтей и стариковъ, да такъ на-

зываемыя „общественныя работы“, которыя вѣрнѣе было-бы назвать каторжными работами...

* * *

Мы переживаемъ моментъ, крайне благопріятный для рѣшительной борьбы съ самодержавіемъ. Промышленный кризисъ, революціонизирующій умы широкихъ массъ городскихъ рабочихъ; непрекращающійся голодъ, озлобляющій крестьянъ въ деревняхъ, куда высылаютъ изъ промышленныхъ центровъ сознательныхъ рабочихъ, которые приносятъ съ собой революціонныя идеи пролетаріата; разростающееся броженіе среди учащейся молодежи, которая все болѣе и болѣе убѣждается въ томъ, что серьезной реформы университетскаго быта можно добиться лишь съ сверженіемъ самодержавія; несомнѣнно возбужденное настроеніе всей демократической интеллигенціи; общее недовольство всѣхъ угнетенныхъ слоевъ населенія россійской имперіи. Какой режимъ можетъ устоять, если, при такихъ условіяхъ, противъ него поднимется сознательная, организованная революціонная партія?

Пусть-же Россійская Соціаль-демократическая Рабочая Партія поскорѣе сплотитъ въ своихъ рядахъ всѣ революціонныя соціаль-демократическія силы и пусть поведетъ рѣшительную аттаку противъ самодержавія! Союзники найдутся, и побѣда впереди — несомнѣнная!

(Соціаль-демократическій календарь 1902 г.)

II.

Финляндскія событія.

Въ ряду дѣлъ нынѣшняго царствованія видное мѣсто будетъ отведено на „скрижаляхъ исторіи“ нелѣпому разгрому Финляндіи. Какую мѣрку ни прилагай къ этому акту дикаго насилія, ни одного сколько-нибудь разумнаго довода не подберешь. Съ какой стороны на него ни смотри, получается одна чепуха. Не будемъ говорить о правѣ, гуманности, справедливости — эти слова давно уже вычеркнуты изъ русскаго административнаго лексикона. Можно было ожидать, что русскіе правители понимаютъ, по крайней мѣрѣ, собственныя выгоды; что если не иное что, такъ хоть здравый смыслъ подскажетъ имъ, какъ глупо вооружать противъ себя лояльный народъ, не имѣя на то никакихъ поводовъ. Не даромъ же финляндская политика осуждается даже такими людьми,

какъ „сверхъ-патріотъ“ князь Э. Э. Ухтомскій, какъ благонамѣреннѣйшій Б. Чичеринъ, какъ вѣрноподданнѣйшій кн. Мещерскій. Славянофилы любили хвастать Финляндіею: смотрите, молъ, братушки, какъ мы терпимы!... И вдругъ, такой репримандъ!

Почти сто лѣтъ финны, какъ самостоятельная нація, живутъ бокъ-о-бокъ съ нами, не причинивъ намъ въ теченіе этого времени ни малѣйшаго вреда; подъ охраной своихъ законовъ они развивались, богатѣли и достигли замѣчательныхъ культурныхъ успѣховъ. И все это безъ всякихъ жертвъ съ нашей стороны. Ни малѣйшей опасности „единству“ имперіи финляндская самостоятельность не представляла. Дикая мысль объ отдѣленіи отъ Россіи и присоединеніи къ политически слабой Швеціи не приходила въ голову ни одному филяндцу. Народъ, 90 % котораго составляютъ коренные финны, не чувствуетъ ни малѣйшаго тяготѣнія къ Швеціи. Весь пресловутый сепаратизмъ заключается въ стремленіи оградить страну отъ прелестей самодержавія.

Русскіе цари имѣли въ финляндцахъ лояльныхъ подданныхъ, искренно вѣровавшихъ въ

святость слова своихъ великихъ князей: Николай II однимъ росчеркомъ пера разрушилъ эту вѣковую иллюзію. Намъ, конечно, оставалось-бы только радоваться политическому просвѣтлѣнію финновъ, если-бы оно не покупалось цѣной свободы и если-бы мы могли вообще радоваться чужому несчастью.

Николай не самъ додумался до этого остроумнаго шага. Онъ получилъ финляндское дѣло по наслѣдству отъ „миротворца“. Въ серединѣ 80-хъ годовъ, когда внутренній врагъ, послѣ невѣроятныхъ усилій, былъ если и не окончательно сломанъ, то хоть на время обезсиленъ; когда вся Россія задыхалась въ тискахъ мрачной реакціи, оставался только одинъ уголокъ въ россійскомъ государствѣ, гдѣ дышалось сравнительно свободно, гдѣ царствовали „порядокъ и законность“, гдѣ люди были довольны. Могла-ли потерпѣть такое безобразіе торжествующая свинья? Человѣконенавистничество, таящееся въ нѣдрахъ полуобразованныхъ слоевъ русскаго общества и всячески поощрявшееся націоналистическою политикой Александра III, хлынуло грозной волной и наводнило прессу. Такія газеты, какъ „Московскія Вѣдомости“,

„Новое Время“, „Свѣтъ“, набросились на Финляндію, обрадовавшись благодарной темѣ: благо всякія польскія, балтійскія, кавказскія и прочія интриги успѣли набить всѣмъ оскомину. Въ главѣ движенія шла бюрократія: ей мозолилъ глаза этотъ остатокъ „либеральнаго умопомраченія“ прежнихъ русскихъ самодержцевъ. Бюрократія вдохновляла шовинистскую печать и руководила ею. Началась чернильная война; шакалы русской прессы пустили въ ходъ всѣ обычные пріемы своей полемики: передержки, подтасовки, доносы, клеветы, инсинуаціи. Сотрудникъ, „Московскихъ Вѣдомостей“ Еленевъ, бывшій цензоръ, выпустилъ рядъ столько же злобныхъ, сколько лживыхъ брошюръ; всѣ онѣ варьируютъ тему „нашихъ бьютъ“, — тему, мимоходомъ сказать, къ данному случаю непримѣнимую, потому что финляндцы всегда удивительно терпимо относились къ русскимъ. Гофмейстеръ Ординъ написалъ двухтомную книгу „Покореніе Финляндіи“, снабженную всѣми внѣшними аттрибутаму учености: объемистостью, скукой, суконнымъ языкомъ. Несмотря на то, что сочиненіе могло бы служить образцомъ антинаучности, официальный

храмъ науки удостоилъ его преміи . . . не за научныя достоинства, конечно, а за то, что оно угодило духу времени.

Весь этотъ книжно-газетный походъ имѣлъ цѣлью задѣть патріотическія чувства русскаго обывателя, запугать царя призракомъ сепаратизма и сбить съ толку его слабую голову. Финляндцы возражали дѣльно, обстоятельно, по пунктамъ опровергая нелѣпыя обвиненія; но . . . диспутъ ихъ съ русскими шовинистами походилъ на споръ овцы съ волкомъ въ езоповской баснѣ. Обыватель не читалъ произведеній финляндскихъ писателей, потому что цензура ихъ не допускала въ Россію, да и написаны были эти произведенія не для большой публики. Финляндцы, какъ они сами неоднократно заявляли, пренебрегали русскимъ обывателемъ — и напрасно. Какъ ни плохъ русскій обыватель, онъ все же представитель массы; онъ силенъ своею многочисленностью, онъ создаетъ уличное общественное мнѣніе, съ которымъ самъ самодержавный русскій царь долженъ считаться. Итакъ, финляндцы писали для царя. Но послѣдній, если и читалъ ихъ возраженія, то наврядъ-ли много въ нихъ понималъ. Для

ординарнаго офицерскаго ума Романовыхъ ученыя произведенія финляндскихъ юристовъ неудобоваримы и скучны. Царь охотно читалъ хлесткія брошюрки разныхъ Мессарошей и Еленевыхъ, пріятно щекотавшихъ, къ тому же, его самодержавное сердце. И брошюрки эти имѣли успѣхъ. Человѣкъ всегда готовъ вѣрить тому, чему онъ хочетъ вѣрить. Русскаго царя не трудно было убѣдить въ томъ, что онъ относительно Финляндіи никакими обязательствами не связанъ.

* * *

Александръ I предоставилъ, какъ извѣстно, Финляндіи государственную самостоятельность. Со времени присоединенія къ Россіи Финляндія составляетъ государство, связанное съ имперіею реальною уніею. Историческіе факты и документы не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія на этотъ счетъ. Лжелтолкованія русскихъ шовинистовъ не въ силахъ опровергнуть неоспоримыхъ фактовъ. Еще до заключенія мира Александръ созвалъ народныхъ представителей страны и торжественно поклялся „de maintenir votre constitution, vos lois fondamentales“; депутаты присягну-

ли ему и проклялись, въ свою очередь, свято хранить конституцію. Въ манифестѣ о присоединеніи Финляндіи царь обѣщаетъ „ненарушимо и непреложно хранить коренные законы, права и преимущества жителей"; въ манифестѣ 1816 года снова говорится о „святомъ сохраненіи особенной конституціи (въ единств. числѣ) края подъ державой нашей и наслѣдниковъ нашихъ". Тогда въ воздухѣ носилась даже мысль объ образованіи изъ Финляндіи отдѣльной политической единицы. Объ этомъ мечтали Елизавета, а Екатерина II вступила даже въ переговоры съ финляндскими заговорщиками, хотѣвшими отдѣлить Финляндію отъ Швеціи и образовать изъ нея самостоятельное государство подъ покровительствомъ Россіи. Вполнѣ естественно, что Александръ I ухватился за эту мысль, которая гармонировала съ его юношескими мечтами и вполнѣ согласовалась съ доводами политическаго благоразумія.

Николай I, при вступленіи на престолъ, подтвердилъ всѣ права Финляндіи и не нарушилъ своего слова. Этотъ деспотъ умѣлъ поддерживать престижъ своей власти и поэтому не захотѣлъ прослыть клятвопреступ-

никомъ. Александръ II расширилъ автономію Финляндіи. Онъ подписалъ сеймовый уставъ, составленный въ формѣ договора между земскими чинами и монархомъ. Въ концѣ устава есть приписка, гласящая, что царь сохраняетъ за собою права „въ томъ видѣ, какъ они установлены Формой Правленія 1772 года и Актомъ Соединенія и безопасности 1789 года". Это тѣ „основные" или „коренные" законы, которые дѣйствовали въ Финляндіи въ минуту присоединенія ея къ Россіи и были ей сохранены Александромъ I. Эта приписка замѣчательна въ томъ отношеніи, что въ ней вполнѣ опредѣленно говорится: царь ограничиваетъ свою власть и именно шведскими государственными законами XVIII столѣтія.

Вотъ неопровержимые и вполнѣ ясные факты. Но, съ другой стороны, правда и то, что русскіе самодержцы никогда не были искренними и послѣдовательными въ своихъ либеральныхъ начинаніяхъ. Давая одной рукой, они отбирали другой. Александръ I благодѣтельствовалъ Финляндіи не столько по влеченію сердца, сколько изъ разсчета. Ему нужно было привязать завоеванную

страну къ Россіи „узами признательности“, чтобы обезпечить себѣ свободу дѣйствій при тогдашнихъ запутанныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Когда опасность миновала, а настроеніе царя измѣнилось, онъ охладѣлъ къ Финляндіи, ничего не сдѣлавъ для того, чтобы упрочить ея политическое положеніе; онъ даже ни разу не созывалъ сейма. Николай I, какъ мы уже сказали, подтвердилъ, вступая на престолъ, финляндскую конституцію и не хотѣлъ отказаться отъ своего слова; но онъ имѣлъ намѣреніе взять Финляндію, такъ сказать, измором. Воспользовавшись тѣмъ, что созваніе сейма зависѣло тогда отъ воли монарха, онъ ни разу не созывалъ земскихъ чиновъ, а управлялъ на основаніи административнаго права короны, весьма широкаго по шведскимъ основнымъ законамъ XVII вѣка. Кстати сказать, вышеупомянутые законы (Актъ Соединенія и Форма Правленія) явились результатомъ монархическаго переворота въ Швеціи и чрезвычайно расширяли власть короля. Этимъ объясняется, почему Александръ I не убоялся ихъ сохранить.

Александръ II созвалъ сеймъ во время поль-

скаго возстанія по совѣту Горчакова. Ему нужно было блеснуть либерализмомъ предъ Европой и загладить впечатлѣніе, произведенное на европейское общественное мнѣніе звѣрствами русскихъ въ Польшѣ. Онъ подписалъ сеймовый уставъ; но когда ему предложили подписать Форму Правленія, то онъ отказался. На представленіе сейма о введеніи свободы печати послѣдовалъ тоже грубый отказъ. Получилась аномалія: въ конституціонной странѣ не было свободы печати. Впрочемъ, на практикѣ эта несообразность не ощущалась; до прибытія Бобрикова финляндская печать могла совершенно свободно высказываться по внутреннимъ вопросамъ.

Всѣми этими недодѣлками, этимъ трусливымъ шатаніемъ изъ стороны въ сторону пользуются русскіе финнофобы въ своей полемикѣ. Когда имъ указываютъ, напр., на манифестъ Александра I о присоединеніи Финляндіи, они спрашиваютъ: „а почему тамъ нѣтъ указаній на шведскую Форму Правленія и Актъ Соединенія, а сказано только глухо: утверждаемъ коренные законы?“ А коренные законы это, молъ, не то-же самое, что основные. На этой нелѣпой игрѣ словъ Ор-

динъ построилъ свою теорію; коренные законы — это, по его совершенно произвольному толкованію, только гражданскіе законы, а не государственные; слѣдовательно, Александръ I конституціи не подтвердилъ. Когда же финляндцы указываютъ на манифесты, гдѣ встрѣчаются выраженія: „ваша конституція“ (въ ед. числѣ), „та конституція, которой вы пользовались“, имъ возражаютъ: „слова! пустыя фразы! а гдѣ ваша хартія?“ Когда финляндцы приводятъ сеймовый уставъ, ихъ спрашиваютъ: „а почему Александръ II не издалъ Формы Правленія?“ Финляндцы отвѣчаютъ: „почемъ мы знаемъ? Намъ до этого дѣла нѣтъ, а вотъ вамъ приписки къ сеймовому уставу“. Тогда финнофобы поднимаютъ гвалтъ: „надули, подвели, подсунули!“ Корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ Мессарошъ серьезно увѣрялъ сотрудника одной иностранной газеты, что Александръ II подписалъ сеймовый уставъ — въ пьяномъ видѣ!...

Таковы не хитрые аргументы русскихъ шовинистовъ. А вотъ на выдержку образчикъ пріемовъ ихъ борьбы. Финляндцы выработали новое уголовное уложеніе. Тогдашній

финляндскій министръ, статсь-секретарь, человѣкъ очень осторожный, попросилъ Таганцева во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній просмотрѣть уставъ и сдѣлать свои замѣчанія. Черезъ нѣсколько времени уставъ былъ возвращенъ почти безъ помѣтокъ. Дѣлу дали ходъ. Сеймъ принялъ уложеніе, царь (Александръ III) его утвердилъ, и былъ уже назначенъ день вступленія новаго закона въ силу. Тогда Ординъ, который въ качествѣ егермейстера былъ вхожъ ко двору, подалъ, по совѣту Таганцева, записку царю; въ ней онъ обращалъ вниманіе своего повелителя на то, что финляндцы установили за политическія преступленія только тюремное заключеніе: знали, какую струну самодержавнаго сердца задѣть! Немедленно же послѣдовала совершенно незаконная пріостановка уложенія и передача его на разсмотрѣніе комиссіи изъ русскихъ юристовъ.

Какъ видите, финнофобы выступили въ походъ налегкѣ. Ни ума, ни талантовъ, ни знаній они съ собой не прихватили; за душой у нихъ не было ничего, кромѣ дикой злобы и безстыдства; ихъ военные таланты заключались въ умѣніи вести интрижки въ бюрокра-

тическихъ и придворныхъ сферахъ. И тѣмъ не менѣе они побѣдили. Не трудная была это побѣда: стоило только забрать въ свои руки перваго чиновника русской бюрократіи (перваго по положенію, а не по значенію) — и дѣло въ шляпѣ. Рухнуло счастіе мирнаго народа, повиннаго лишь въ томъ, что онъ слѣпо вѣрилъ въ своего монарха. Да, не прочна та конституція, которая зиждется на такомъ гниломъ фундаментѣ, какъ слово русскаго царя. А другихъ гарантій у финляндцевъ не было.

* * *

Николай II, вступая на престолъ, далъ обѣщаніе хранить въ неприкосновенности права финской націи. Манифестъ, содержащій это обѣщаніе, красуется и до сихъ поръ во всѣхъ церквахъ Финляндіи. Первые шаги новаго царствованія ничего дурного для Финляндіи не предвѣщали. Скорѣе напротивъ: Николай II распустилъ учрежденный его отцомъ комитетъ для кодификаціи (читай: упраздненія) финляндскихъ основныхъ законовъ. Финляндцы ликовали. Даже мальчишескій окрикъ 17 анваря 1895 года не сму-

тилъ ихъ. „Безсмысленныя мечтанія — это для васъ, русскихъ“, говорили они: „а у насъ основные законы; Николай обѣщалъ не нарушать ихъ; не захочетъ же онъ сдѣлаться клятвопреступникомъ“.... И вдругъ съ яснаго неба грянулъ громъ.

Предлогомъ для нападенія на финляндскую конституцію избрали слабый пунктъ цезаризма: военный вопросъ. Въ Петербургѣ при главномъ штабѣ давно работалъ въ тиши комитетъ, обсуждавшій проектъ упраздненія финской арміи. Душою этого комитета былъ сотрудникъ „Новаго Времени“ генералъ Бородкинъ (пишущій подъ псевдонимомъ Абова). Когда проектъ былъ уже готовъ, вспомнили, что для проформы слѣдуетъ созвать сеймъ. Царя успѣли къ тому времени обработать: онъ выказалъ такое нетерпѣніе, что не захотѣлъ подождать до слѣдующаго года, когда долженъ былъ собраться очередной сеймъ, а приказалъ созвать чрезвычайный сеймъ. Проектъ закона, предложенный на разсмотрѣніе представителей финляндскаго народа есть замѣчательный, въ своемъ родѣ, историческій документъ. Финнамъ предлагали добровольно упразднить свою національ-

ную армію, выставлять столько солдатъ, сколько потребуетъ военное министерство, и посылать ихъ на службу въ Россіи; а сверхъ того ихъ облагали контрибуціей въ 10 милліоновъ марокъ ежегодно. Эти совершенно несуразныя требованія были облечены притомъ въ форму полемической статьи „Новаго Времени“ или „Московскихъ Вѣдомостей“, пересыпанной нелѣпыми выходками противъ сепаратистовъ, обвиненіями ихъ въ обманахъ и подлогахъ; попутно проливались крокодиловы слезы о судьбѣ бѣднаго русскаго мужичка, обиженнаго тѣмъ, что Финляндія выставляетъ только 5000 солдатъ, а не 20000, какъ бы слѣдовало по разсчету, — весьма сомнительной, впрочемъ, точности.

Орудіемъ для проведенія обрусительной политики избрали Бобрикова, назначеннаго въ 1898 году финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Этотъ штабный генералъ, не участвовавшій ни въ одномъ сраженіи, выдвинулся тѣмъ, что велъ военно-канцелярскія дѣла великаго князя Владиміра, ни въ какихъ дѣлахъ, кромѣ любовныхъ и кабацкихъ, какъ извѣстно, ничего не смыслящаго. Невѣжественный, грубый, лишенный всякихъ нравственныхъ

принциповъ, всѣмъ извѣстный въ Петербургѣ взяточникъ, трусливый интригантъ, но за то хитрый, пронырливый и энергичный, Бобриковъ какъ нельзя лучше подходилъ къ назначенной ему роли. Ужъ на что не брезгливы русскіе администраторы; однако ни одинъ изъ тѣхъ, кому это предлагали, не захотѣлъ стать палачомъ беззащитнаго народа, а Бобриковъ согласился.

Первымъ дѣломъ онъ потребовалъ уплаты жалованья изъ русской казны, „чтобы не быть въ зависимости отъ финляндцевъ“. Получивъ 30 тыс. руб. изъ русскаго казначейства, онъ однако же отъ финляндскихъ денегъ (тоже 30 тыс. руб.) не отказался. Только теперь онъ называетъ деньги, выдаваемыя ему изъ финской казны, не жалованьемъ, а суммами, ассигнуемыми въ его безконтрольное распоряженіе. Часть ихъ онъ тратитъ на шпіонскія дѣла, крупицу отдаетъ для отвода глазъ на русскія благотворительныя учрежденія и школы, а львиную долю кладетъ себѣ въ карманъ.

* * *

Въ январѣ 1899 г. собрался чрезвычайный сеймъ. Когда онъ приступилъ къ занятіямъ, тогда только русскіе государственные мужи сообразили, что земскіе чины могутъ и не принять проекта. Въ предупрежденіе такого казуса состряпали въ нѣсколько дней указъ, именуемый манифестомъ и основными положеніями 3/15 февраля 1899 г. Этимъ декретомъ финляндская конституція фактически уничтожалась.

По ясному смыслу финляндскихъ законовъ, сеймъ есть законодательное учрежденіе, и Великій Князь не можетъ отмѣнить или измѣнить общій законъ безъ согласія сейма. Для отмѣны или измѣненія основныхъ законовъ (каковыми считаются, между прочимъ, нѣкоторые параграфы устава о воинской повинности) требуется согласіе всѣхъ четырехъ сословій сейма (для остальныхъ достаточно согласія трехъ). Между тѣмъ, по манифесту 3-го февраля 1899 г., всѣ такъ называемыя общегосударственныя дѣла передаются лишь „на уваженіе“ сейма, а затѣмъ поступаютъ въ Государственный совѣтъ. Сеймъ по этимъ вопросамъ низводится до роли совѣщательнаго собранія. При этомъ опредѣленіе обще-

государственныхъ законовъ умышленно формулировано крайне темно; подъ такіе законы подведено все, что затрогиваетъ интересы Россіи. Въ довершеніе всего вопросъ о томъ, считается-ли данный законъ общегосударственнымъ или мѣстнымъ, рѣшается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ царемъ.

Понятно, какую тревогу въ странѣ вызвалъ этотъ coup d'Etat. Высшее административное учрежденіе края, финляндскій сенатъ, куда манифестъ поступилъ для „обнародованія", долго колебался, прежде чѣмъ рѣшиться обнародовать незаконный указъ. Бобриковъ, по словамъ одного лица, близко къ нему стоящаго, сильно струсилъ; онъ пережилъ нѣсколько непріятныхъ дней. Тревога его вполнѣ понятна. Если бы сенатъ оказалъ сопротивленіе, то пришлось бы прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ: уволить всѣхъ сенаторовъ, можетъ быть, ввести осадное положеніе. Но для такихъ крупныхъ мѣръ почва въ то время еще не была подготовлена; Бобриковъ не имѣлъ тогда ни людей, ни достаточно войска, а финскимъ войскамъ онъ не довѣрялъ. Относительно прочности своего положенія въ Петербургѣ онъ тоже не былъ

увѣренъ: если бы произошли непріятныя для петербургскаго правительства осложненія, то это отразилось бы на его шеѣ. Такой карьеристъ, какъ Бобриковъ, никогда не теряетъ изъ виду своихъ личныхъ интересовъ. Все кончилось, однако же, благополучно. Сенатъ, хотя и большинствомъ одного только голоса, рѣшилъ опубликовать манифестъ. Бобриковъ потиралъ руки отъ удовольствія и на радостяхъ не препятствовалъ такимъ формамъ проявленія народнаго горя, какъ народный трауръ, какъ трогательныя манифестаціи передъ памятникомъ Александра II. „Надо дать исходъ ихъ взволнованнымъ чувствамъ“, — говорилъ онъ окружающимъ: „нельзя всего съ разу запретить. Имѣйте терпѣніе. Со временемъ мы прекратимъ и эти въ сущности невинныя демонстраціи“. И онъ сдержалъ свое слово.

Финляндцы не ограничились, впрочемъ, платоническимъ изліяніемъ чувствъ предъ статуей Александра II, а снарядили цѣлый рядъ депутацій къ царю. Сначала поѣхали сенаторы, только-что обнародовавшіе манифестъ, просить объ его отмѣнѣ. Потомъ отправились депутаты отъ сейма. Ни тѣ, ни другіе пріема

не удостоились. Тогда финляндцы снарядили народную депутацію въ числѣ 500 человѣкъ; она повезла съ собой грандіозный адресъ-протестъ, подъ которымъ подписалось 500,000 слишкомъ человѣкъ. Царь отказался принять депутатовъ и не обратилъ вниманія на адресъ, что не помѣшало ему „прочесть съ удовольствіемъ“ контръ-адресъ отъ одной православной сельской общины Выборгской губерніи, сочиненный клевретами Бобрикова, и подъ которымъ рисовалось 12 подписей. Пріѣзжала еще международная депутація, съ французскимъ сенаторомъ Трарье во главѣ, — и ее постигла та же участь.

„Сердце монарха“ оставалось „глухимъ“. Агитація финляндцевъ заграницею раздражала иниціатора гаагской конференціи. Его, бросившаго Европѣ красивую фразу о всеобщемъ мирѣ, собственные подданные выставляютъ клятвопреступникомъ, деспотомъ, попирающимъ права беззащитной страны и желающимъ задушить культурный народъ подъ тяжестью непосильнаго военнаго бремени. Онъ гнѣвался все больше и больше и не умѣлъ этого скрывать. Тальманамъ (предсѣдателямъ курій) чрезвычайнаго сейма, выразившимъ въ

почтительныхъ, но полныхъ достоинства словахъ чувства народа, онъ приказалъ передать рѣзкій и грубый отвѣтъ. Сеймъ 1900 года подалъ жалобу на Бобрикова; онъ указалъ на его злоупотребленія, на дикій произволъ, на провокаторство. Царь отвѣтилъ, что Бобриковъ „дѣйствовалъ по его указаніямъ". Этотъ отвѣтъ замѣчателенъ еще неудачной ссылкой на законъ, показывающей, какъ мало окружающіе церемонятся съ царемъ. Дѣйствительно, сеймъ обвинили въ томъ, будто онъ возбужденіемъ помянутой петиціи превысилъ свою власть, и согласились на статью закона, которая именно разрѣшаетъ возбужденіе разныхъ ходатайствъ петиціоннымъ путемъ, ограничивая лишь право моцій (предложеній объ измѣненіи законовъ). Докладчики совершенно основательно разсуждали, что царь не понимаетъ разницы между петиціею и моціею.

Обнародованіемъ манифеста 3-го февраля 1899 года сенатъ обнаружилъ преступную уступчивость требованіямъ русскаго правительства. Учрежденіе обязанное стоять на стражѣ финляндской конституціи, собственными же руками помогло обрусителямъ про-

бить въ этой самой конституціи брешь. Непозволительный промахъ этотъ отчасти только объясняется чиновничьею трусостью. Другая и болѣе глубокая причина кроется въ партійныхъ раздорахъ. На рѣшеніе сената повліялъ предводитель партіи старыхъ фенномановъ сенаторъ Юрій Коскиненъ. Націоналисты на всемъ свѣтѣ одинаковы: вездѣ они готовы за чечевичную похлебку привилегій продать свое первородство общихъ правъ. Фенноманы захотѣли воспользоваться смутнымъ моментомъ, чтобы покончить счеты со своими противниками свекоманами: уступками русскимъ требованіямъ они разсчитывали заслужить симпатію правительства, сдѣлаться при его помощи господами положенія, а затѣмъ постепенно вернуть утерянное. Политика слишкомъ недальновидная! Неужели фенноманы надѣялись обмануть русское правительство? Такого стараго воробья, искушеннаго въ обманахъ, на мякинѣ не проведешь. Или они хотѣли уступками смягчить сердце царя? Опять таки узкое непониманіе того, что они имѣютъ дѣло не лично съ царемъ, а съ русской бюрократіей, у которой сердца нѣтъ, а есть аппетитъ; послѣдній же, какъ извѣстно,

vient en mangeant. Нѣкоторые сенаторы оправдываютъ свой образъ дѣйствій желаніемъ во что бы то ни стало сохранить сенатъ. По ихъ мнѣнію, плохой финляндскій сенатъ все же лучше русскаго учрежденія. Взглядъ болѣе, чѣмъ странный: чѣмъ же отличается сенатъ, безпрекословно исполняющій всѣ приказанія Бобрикова, отъ русской канцеляріи? Только названіемъ! И вотъ сенатъ потерялъ довѣріе и уваженіе гражданъ. Между нимъ и народомъ образовалась пропасть. Въ то время, какъ нація, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, продолжаетъ бороться и, можно надѣяться, не сложитъ добровольно оружія, сенатъ сдѣлался послушнымъ слугой Бобрикова.

Манифестъ 3-го февраля 1899 г. нанесъ непоправимый ударъ финляндской свободѣ. За нимъ скоро послѣдовали другіе. Въ противность закону и вопреки справедливости, требующей, чтобы выслушивалась также и altera pars, докладчикомъ по финляндскимъ дѣламъ былъ назначенъ русскій, да еще какой — бывшій директоръ департамента полиціи, Плеве. Лѣтомъ 1900 г. появились одновременно 3 указа: однимъ уничтожалась свобода собра-

ній и сходокъ; другой вводилъ (чрезъ 3 года) русскій языкъ въ дѣлопроизводства сената и главныхъ управленій Финляндіи; третій предоставилъ русскимъ коробейникамъ такія права, которыми не пользуются и мѣстные торговцы. Эта трогательная заботливость о судьбѣ маленькихъ русскихъ людей объясняется тѣмъ, что русское правительство имѣло намѣреніе сдѣлать ихъ орудіемъ провокаціи, пустивъ черезъ нихъ въ народъ слухъ о надѣленіи безземельныхъ крестьянъ землею. Въ заигрываніи съ безземельными обрусители не обнаружили, впрочемъ, ни ума, ни оригинальности. Хорошо было въ Польшѣ отбирать землю у пановъ и отдавать ее хлопамъ. Но въ Финляндіи условія совершенно иныя. Здѣсь нѣтъ помѣщиковъ-дворянъ, или если есть, то самое ничтожное количество; земля раздѣлена между мелкими собственниками; казенной земли, годной для обработки, мало. Слѣдовательно, придется брать землю у крестьянъ-собственниковъ, т. е. вооружать противъ себя самый консервативный классъ населенія. Интересно знать, какъ выпутаются хитроумные политики изъ этого затрудненія? Вѣрнѣе всего, никакъ не выпутаются. До

участи безземельныхъ имъ конечно никакого дѣла нѣтъ: имъ нужно лишь привлечь на свою сторону безземельныхъ подачками (на счетъ финскихъ суммъ, конечно), чтобы потомъ ихъ же скрутить.

Какъ и подобаетъ русскому администратору, Бобриковъ прежде всего набросился на прессу: въ теченіе короткаго времени онъ закрылъ болѣе 20 газетъ; остальныя довелъ до положенія худшаго даже, чѣмъ положеніе русскихъ газетъ. Въ Россіи есть хоть тѣнь гарантій отъ цензурнаго произвола, и для закрытія органа нужно всетаки согласіе четырехъ министровъ, — въ Финляндіи все зависитъ теперь отъ личнаго усмотрѣнія Бобрикова, или его помощника Шипова, совершеннѣйшаго идіота. Бобриковъ сочинилъ даже проектъ упраздненія всѣхъ независимыхъ газетъ и замѣны ихъ губернскими вѣдомостями. Для примѣра онъ издалъ собственный органъ. „Финляндскую газету", ничтожнѣйшій листокъ, имѣющій только обязательныхъ подписчиковъ (и финляндскій сенатъ не посовѣстился отпустить на нее деньги!).

Сенатъ понемногу наполнился креатурами Бобрикова. На отвѣтственныхъ постахъ очу-

тились, опять-таки вопреки закону, русскіе офицеры и при этомъ, конечно, изъ числа зарекомендовавшихъ себя дикою ненавистью ко всему финскому. Генералъ-губернаторская канцелярія изъ скромнаго учрежденія разрослась до размѣровъ цѣлаго департамента, наполненнаго клевретами Бобрикова. Привели казаковъ; пригнали конныхъ жандармовъ; усилили гарнизоны; страна закишѣла шпіонами и провокаторами. Словомъ, Бобриковъ укрѣпился и подготовилъ почву для дальнѣйшихъ „реформъ“. И объектомъ этихъ воинственныхъ приготовленій служитъ мирный обыватель, ни о какихъ революціяхъ не помышляющій!

Вернемся, однако, къ вопросу о воинской повинности.

Чрезвычайный сеймъ твердо сказалъ „нѣтъ“. Его отвѣтъ — это цѣлое юридически-соціальное изслѣдованіе. Манифестъ 3-го февраля, какъ изданный безъ согласія земскихъ чиновъ, онъ объявилъ незаконнымъ актомъ и потому не имѣющимъ силы въ Финляндіи. Выработанный военнымъ министерствомъ проектъ онъ отвергъ, но, желая пойти навстрѣчу тѣмъ русскимъ требованіямъ, которыя ему

казались справедливыми, выработалъ свой уставъ и предложилъ царю утвердить его. Проектъ этотъ вводилъ нѣкоторыя улучшенія въ организаціи военныхъ силъ Княжества и увеличивалъ контингентъ его войскъ болѣе чѣмъ вдвое, — послѣднее для того, чтобы уравнять тяжесть военнаго бремени жителей Финляндіи съ русскими обывателями и тѣмъ избавиться отъ нареканій, будто финны несутъ меньше жертвъ на алтарь милитаризма, нежели русскіе.

Мнѣніе сейма вмѣстѣ съ проектомъ военнаго министерства поступило въ Государственный совѣтъ. Нелѣпость затѣянной объединительной реформы до такой степени была очевидна, что даже Государственный совѣтъ въ лицѣ большинства своихъ членовъ высказался противъ нея. Но царь присоединился къ мнѣнію меньшинства: въ послѣднее время это вошло, какъ извѣсно, въ обычай. Большинство выставляло, однако же, очень вѣскіе доводы, съ которыми надо было считаться. Нельзя было, конечно, ожидать отъ членовъ Государвтеннаго совѣта, чтобы они стали на обще-конституціонную точку зрѣнія и объяснили царю, что онъ безъ согласія сей-

ма не имѣетъ права измѣнить воинскій уставъ, — и этого, дѣйствительно, они не сдѣлали. Но они опирались на соображенія чисто практическаго свойства, указывая, напр., что военная реформа вызоветъ неудовольствіе народа; что финны боятся службы въ русскихъ войскахъ; что эмиграція ихъ въ Америку, принявшая угрожающіе размѣры подъ вліяніемъ слуховъ о томъ, что ихъ будутъ посылать на службу въ Россію, достаточно ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ.

Компромиссомъ между этими двумя теченіями и явился манифестъ 29-го іюня 1901 г., написанный съ іезуитскимъ лицемѣріемъ и съ той восточною хитростью, которая замѣняетъ у русскихъ государственныхъ людей умъ. Въ пику „сепаратистамъ“ утвердили уставъ, во всемъ сходный съ русскимъ (кромѣ срока службы, который для финновъ оставленъ 3-хъ лѣтній); т. е. совершили новое нравонарушеніе, потому что безъ согласія сейма измѣнить законъ о воинской повинности нельзя; финское національное войско распускается, кромѣ двухъ частей, которыя будутъ комплектоваться „преимущественно“ финнами. Рядомъ съ этимъ, чтобы не раздражать наро-

да, рѣшили не примѣнять новый уставъ „впредь до нашего особаго указанія“. Тѣ льготы и милости, о которыхъ громко возвѣщаетъ манифестъ, сводятся такимъ образомъ къ тому, что, за упраздненіемъ финскихъ частей, новобранцы будутъ посылаться на службу только въ остающіяся финскія части, вслѣдствіе чего количество ежегодно призываемыхъ „временно“ уменьшается. Кого хотѣли надуть этими „преимущественно“ и „впредь до времени“, неизвѣстно. Развѣ самого царя?...

Когда манифестъ сдѣлался извѣстнымъ въ Финляндіи, представители финскаго народа съѣхались и рѣшили обратиться къ царю съ новымъ адресомъ. Подъ нимъ подписалось 473,363 человѣка *).

* * *

Не трудно предвидѣть, что этотъ адресъ вызоветъ новые репрессаліи. Бобриковъ съумѣетъ представить дѣло въ выгодномъ для себя свѣтѣ. Вѣрноподданическій адресъ

*) Ниже мы приводимъ цѣликомъ этотъ важный документъ.

превратится въ продуктъ преступной агитаціи сепаратистовъ. Не поможетъ также отказъ многихъ пасторовъ прочесть въ церквахъ новый законъ о воинской повинности: распоряженія правительства, какъ извѣстно, доводятся въ Финляндіи такимъ путемъ до свѣдѣнія населенія; и по мнѣнію финляндскихъ юристовъ актъ чтенія въ церквахъ есть очень важный моментъ обнародованія закона, безъ чего онъ не можетъ пріобрѣсти силы дѣйствительнаго закона. Во многихъ мѣстахъ публика устроила враждебныя демонстраціи тѣмъ священникамъ, которые, вопреки своей совѣсти, рѣшились прочесть съ церковной каѳедры незаконный указъ *).

Роль либеральной финляндской оппозиціи кончена. Она исчерпала свои силы, сдѣлала все, что могла. Правительство не боится ее, а потому и не остановится на полпути. Вопреки распространенному, повидимому, въ Финляндіи мнѣнію, мы думаемъ, что удержать правительство отъ обрусительныхъ мѣръ могъ бы только призракъ народнаго возмуще-

*) Противъ нѣкоторыхъ священниковъ правительство возбуждаетъ преслѣдованіе.

нія: если уличные безпорядки на-руку Бобрикову, то возстаніе въ разсчеты его самого и его единомышленниковъ отнюдь не входитъ. Конечно, царская армія достаточно сильна, чтобы обуздать Финляндію: не сомнѣніе въ своей силѣ и не боязнь кровопролитій остановили бы поэтому императорское правительство, а простой разсчетъ. Русскій абсолютизмъ никогда бы не рѣшился на обрусеніе Финляндіи, не обѣщающее никакихъ матеріальныхъ выгодъ, если бы ожидалъ встрѣтить вооруженное сопротивленіе; послѣднее потребовало бы жертвъ съ его стороны, произвело бы дурное впечатлѣніе на Европу, что, въ свою очередь, могло-бы отразиться на ахилессовой пятѣ самодержавія — финансахъ. Игра не стоила бы свѣчей! Манифестъ о воинской повинности показываетъ ясно, что правительство не боится финской интеллигенціи, но побаивается народа.

Къ сожалѣнію, возстаніе въ Финляндіи въ данную минуту немыслимо и по неподготовленности населенія, и по несочувствію интеллигенціи къ революціоннымъ дѣйствіямъ. Правительство это знаетъ и потому доведетъ свое дѣло до конца. Его программа — по-

ставить Финляндію въ положеніе Балтійскихъ провинцій. Не встрѣчая препятствій, объединеніе будетъ катиться по наклонной плоскости, все ускоряясь.

Скажемъ прямо: положеніе Финляндіи въ настоящую минуту очень опасно. Прежняя политика ухаживанія за царемъ должна быть оставлена, по непримѣнимости къ измѣнившимся условіямъ жизни. Въ прежнее время, можетъ быть, и можно было имѣть дѣло лично съ царемъ, пренебрегая русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, но теперь это немыслимо. Послѣднія финляндскія событія служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Подъ давленіемъ вліятельнаго въ данную минуту общественнаго мнѣнія царь отказался отъ своего слова и оттолкнулъ отъ себя лояльное населеніе: шовинисты заставили его сдѣлать шагъ, династическимъ интересамъ вовсе не соотвѣтствующій.

Отдѣленіе финляндскаго дѣла отъ русскаго освободительнаго движенія не привело финскихъ патріотовъ къ желанной цѣли. Финляндцы хотѣли этимъ подчеркнуть свою лояльность, свое несочувствіе революціонной агитаціи. Но лояльность не спасла ихъ. То,

что лояльно по финляндскимъ и европейскимъ понятіямъ, есть бунтъ по русскимъ понятіямъ. Русское правительство не понимаетъ лояльности, а допускаетъ только холопство. Въ рукахъ финляндцевъ остается еще одно средство — пассивное сопротивленіе, вещь прекрасная, но прѝ условіи полнаго единодушія. А его, къ сожалѣнію, нѣтъ. Бойкотированіе проживающихъ въ Финляндіи русскихъ имѣетъ свою оборотную сторону: поражая главнымъ образомъ массу маленькихъ и въ большинствѣ случаевъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, оно раздражаетъ русское общественное мнѣніе.

Сказавъ, что положеніе Финляндіи въ настоящую минуту очень опасно, мы не хотѣли сказать, что ея дѣло погибло безвозвратно и навсегда. При настоящихъ условіяхъ финляндцамъ, дѣйствительно, ничего другого не остается какъ протестовать, уступая только силѣ: потомство должно знать, что они не добровольно уступили свои права. Финляндская свобода придетъ отновременно съ русской свободой. Часъ освобожденія Россіи будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, часомъ освобожденія всѣхъ народовъ, стонущихъ

подъ игомъ русскаго самодержавія. Самодержавіе доживаетъ свои послѣдніе дни. Гоненія на такія учрежденія, какъ наши теперешнія столь робкія земства, которыя служатъ къ его же укрепленію и возвеличенію, а также на финляндскую автономію, имѣющую для него то же значеніе, въ смыслѣ сохраненія лояльности въ населеніи, показываютъ, что самодержавіе утратило даже простой здравый смыслъ. Судорожно хватаясь за что попало, чтобы удержаться, русскій абсолютизмъ царапаетъ и уродуетъ собственное тѣло. Паденіе его есть вопросъ только времени. Гнилое внутри дерево можетъ, конечно, стоять нѣкоторое время и даже внѣшнимъ видомъ не обнаруживать гнилости, но первая буря его сломитъ...

Мы не можемъ, однако, сидѣть сложа руки и ждать, чтобы на помощь намъ пришла стихія. Мы избрали роль дровосѣка, который рубитъ гнилое дерево. Наша цѣль — борьба не на животъ, а на смерть съ самодержавіемъ. Эта цѣль можетъ и должна объединить русскіе оппозиціонные элементы съ угнетенными самодержавіемъ національностями. Передъ врагомъ, всѣхъ вамъ одинаково

невыносимымъ, должны изчезнуть національныя и всякія иныя различія. У насъ общая ближайшая задача. На почвѣ борьбы за политическую свободу мы можемъ сговориться и должны дѣйствовать сообща. Противопоставимъ же организованной силѣ русской бюрократіи организованный союзъ всѣхъ кому дорога свобода, кому ненавистенъ деспотизмъ!... Concordia crescimus...

Л.

Петербургъ, Октябрь, 1901 г.

ПРОТЕСТЪ ФИНЛЯНДСКАГО НАРОДА.

(Отъ 30 сентября 1901 г.)

Незаконное утвержденіе императоромъ Николаемъ II манифеста и такъ называемаго закона о воинской повинности отъ 12 іюля (29 іюня) 1901 года вызвало самое тяжелое впечатлѣніе во всемъ финляндскомъ народѣ. По поводу этого новаго нарушенія основныхъ законовъ Финляндіи 30 (17) сентября 1901 г. поданъ въ финляндскій сенатъ для доставленія монарху слѣдующій адресъ, подписанный почти полумилліономъ финляндскихъ гражданъ обоего пола и всѣхъ слоевъ общества (точное число подписей: 473,363).

Державнѣйшій Всемилостивѣйшій Государь Императоръ и Великій Князь.

Измѣненіе Вашимъ Императорскимъ Величествомъ закона о воинской повинности Финляндіи вызвало повсемѣстно въ краѣ всеобщую тревогу и глубочайшую скорбь.

Утвержденныя Вашимъ Императорскимъ Величествомъ 12 іюля (29 іюня) сего года повелѣнія, манифестъ и законъ о воинской повинности, составляютъ коренное нарушеніе основныхъ законовъ Великаго Княжества и драгоцѣннѣйшихъ правъ, принадлежащихъ финскому народу и всѣмъ гражданамъ края въ силу его законовъ.

Правила объ обязанностяхъ гражданъ по защитѣ края не могутъ, на основаніи основныхъ законовъ, издаваться въ иномъ порядкѣ, какъ съ согласія Земскихъ Чиновъ. Въ этомъ порядкѣ и былъ изданъ законъ о воинской повинности 1878 года согласнымъ рѣшеніемъ Императора Александра II и Земскихъ Чиновъ. Въ царствованіе Императора Александра III послѣдовали многія частныя измѣненія этого закона, но каждый разъ не

иначе, какъ съ согласія Земскихъ Чиновъ. Вопреки сему, нынѣ безъ согласія Земскихъ Чиновъ объявлено, что законъ 1878 года отмѣняется, между тѣмъ какъ изданныя взамѣнъ его новыя постановленія всецѣло расходятся отъ рѣшенія Земскихъ Чиновъ Чрезвычайнаго Сейма 1899 года.

Одно изъ важнѣйшихъ правъ, принадлежащихъ каждому финляндскому гражданину, жить и дѣйствовать подъ защитою финляндскихъ законовъ. Нынѣ этого права лишены тысячи и тысячи финляндскихъ гражданъ, такъ какъ новый законъ о воинской повинности обязуетъ ихъ служить въ русскихъ войскахъ, превращая выполненіе воинской повинности въ страданіе для тѣхъ сыновъ края, которые насильственно будутъ зачисляемы въ войска, чуждыя имъ по языку, религіи, нравамъ и обычаямъ.

Новыя постановленія отмѣняютъ всякое закономъ опредѣленное ограниченіе ежегоднаго контингента. Сверхъ того въ нихъ нѣтъ какого-либо признанія указаннаго въ основныхъ законахъ права Земскихъ Чиновъ участвовать въ опредѣленіи военнаго бюджета.

Даже ополченіе вопреки основного положенія закона 1878 года, поставлено въ совершенную зависимость отъ усмотрѣнія военнаго министерства.

Впечатлѣніе отъ подобныхъ установленій не смягчается объявленными въ манифестѣ облегченіями въ продолженіе неопредѣленнаго пока еще переходнаго времени, такъ какъ вслѣдъ за временнымъ уменьшеніемъ числа призываемыхъ послѣдуютъ неограниченные призывы на службу въ русскихъ войскахъ.

Финляндскій народъ не просилъ какого-либо облегченія въ несомой имъ нынѣ военной тяготѣ. Земскіе Чины, высказавшіе мнѣніе народа, доказали готовность со стороны Финляндіи по мѣрѣ силъ увеличить долю участія по защитѣ государства, при условіяхъ сохраненія правового положенія финскихъ войскъ въ качествѣ финляндскихъ учрежденій.

Въ противоположность сему установляется въ новыхъ постановленіяхъ, что финскія войска по большей части будутъ упразднены, что русскіе офицеры могутъ поступать на службу въ немногія остающіяся части; что даже унтеръ-офицеры въ этихъ частяхъ дол-

жны владѣть русскимъ языкомъ, чѣмъ финляндскіе уроженцы по преимуществу изъ крестьянскаго сословія совершенно устраняются отъ занятія названныхъ должностей; что эти войска поступаютъ подъ вѣдомство русскихъ управленій, и что они также и въ мирное время могутъ размѣщаться внѣ предѣловъ Финляндіи.

Эти повелѣнія, не составляющія какой-либо реформы, а преслѣдующія лишь уничтоженіе національныхъ войскъ Финляндіи, указываютъ на недовѣріе, къ которому финляндскій народъ ничѣмъ не далъ повода за все время почти столѣтняго его соединенія съ Россіею.

Въ новыхъ постановленіяхъ о воинской повинности встрѣчаются также выраженія, заключающія въ себѣ отрицаніе существованія у финляндскаго народа особаго отечества, а у уроженцевъ края — правъ финляндскаго гражданства. Въ этихъ выраженіяхъ просвѣчиваютъ цѣли, несовмѣстимыя съ непремѣннымъ правомъ финляндскаго народа сохранить въ соединеніи съ Россіею то политическое положеніе, которое непоколебимо было удостовѣрено за Финляндіею въ 1809 году.

За послѣдніе годы накоплялось надъ нашимъ краемъ тяжелое горе. Разъ за разомъ убѣждались, что установленія основныхъ законовъ края игнорировались, отчасти въ законодательныхъ мѣропріятіяхъ, отчасти замѣщеніемъ важныхъ должностей русскими уроженцами. Администрація края направлялась такимъ образомъ, какъ будто задача ея — поколебать спокойствіе и порядокъ препятствовать общеполезнымъ стремленіямъ и вызывать непріязнь между русскими и финляндцами.

Самымъ тяжелымъ несчастіемъ для края является однакожъ введеніе новыхъ постановленій о воинской повинности.

Во всеподданнѣйшемъ отвѣтномъ представленіи отъ 27 мая 1899 г. Земскіе Чины подробно доложили о томъ порядкѣ, который по основнымъ законамъ Финляндіи долженъ быть соблюдаемъ при изданіи закона о воинской повинности. При этомъ они указали, что если новый законъ о воинской повинности будетъ изданъ въ иномъ порядкѣ, то подобный законъ, даже если онъ будетъ дѣйствовать подъ давленіемъ насилія, не можетъ быть признанъ правовымъ закономъ, а въ

глазахъ финляндскаго народа покажется лишь повелѣніемъ силы.

Все, что Земскими Чинами было указано, продолжаетъ неизмѣнно составлять правосознаніе финляндскаго народа, которое насильственно не можетъ быть измѣнено.

Надо опасаться весьма тяжелыхъ послѣдствій отъ повелѣній, несогласованныхъ съ законами края. Для чиновниковъ и правительственныхъ учрежденій возникаетъ мучительный разладъ съ чувствомъ долга, такъ какъ совѣсть побуждаетъ ихъ не руководствоваться подобными повелѣніями. Число трудоспособныхъ переселенцевъ, уже ранѣе вынужденныхъ выселиться изъ опасенія грозящихъ перемѣнъ, еще болѣе увеличится, если объявленія постановленія приведены будутъ въ дѣйствіе.

Новыя постановленія о воинской повинности, какъ и другія мѣропріятія, направленныя противъ правъ финляндскаго народа на особое политическое и національное существованіе, неминуемо должны подрывать довѣріе между монархомъ и народомъ, а равно вызывать все усиливающееся неудовольствіе, чувство всеобщаго гнета, неувѣренность и

величайшія затрудненія для общества и для его членовъ въ работѣ на благо края. Для предотвращенія сего не имѣется иныхъ средствъ, какъ замѣнить вышеприведенныя повелѣнія закономъ о воинской повинности, изданнымъ при участіи Земскихъ Чиновъ, а правительственнымъ властямъ края вообще руководствоваться точно указаніями основныхъ законовъ.

Финляндскій народъ не можетъ перестать быть особымъ народомъ. Сплотившійся благодаря общей исторической судьбѣ, правовымъ понятіямъ и культурной работѣ, нашъ народъ останется вѣрнымъ своей любви къ финляндскому отечеству и къ своей закономѣрной свободѣ. Народъ не уклонится въ своемъ стремленіи съ достоинствомъ занимать въ средѣ народовъ свое скромное, судьбою ему указанное мѣсто.

Такъ же твердо, какъ мы вѣримъ въ наше право и уважаемъ наши законы, служащіе намъ опорою въ общественной нашей жизни, такъ же твердо мы убѣждены въ томъ, что единству могущественной Россіи не можетъ быть причиняемъ вредъ, если Финляндія и впредь будетъ управляема въ согласіи съ

основными началами, опредѣленными въ 1809 году, дабы чувствовать себя счастливою и спокойною въ соединеніи своемъ съ Россіею.

Чувство долга передъ родиною заставляетъ жителей всѣхъ общинъ и слоевъ общества обратиться къ Вашему Императоркому Величеству съ правдивымъ и неприкращеннымъ изложеніемъ положенія дѣла. Выше мы указали, что недавно обнародованныя постановленія о воинской повинности, противорѣчія торжественно удостовѣреннымъ основнымъ законамъ Великаго Княжества, не могутъ быть признаны правовымъ закономъ. Считаемъ долгомъ добавить къ сему, что военная тягота сама по себѣ не такое значеніе имѣетъ для финляндскаго народа, какъ потеря твердыхъ правовыхъ установленій и закономъ обезпеченное спокойствіе по отношенію къ этому столь важному вопросу. Всеподданнѣйше просимъ посему, да соблаговолите Ваше Императорское Величество подвергнуть вопросы, затронутые въ этомъ представленіи, такому Всемилостивѣйшему разсмотрѣнію, которое вызывается серезностью ихъ свойства.

Пребываемъ и проч.

Какъ и слѣдовало ожидать, на этотъ адресъ-протестъ царское правительство отвѣтило новыми, еще болѣе циничными гоненіями на финляндскую свободу.

Въ видѣ иллюстраціи къ описаннымъ въ статьѣ событіямъ приводимъ слѣдующій фактъ, опубликованный иностранными газетами:

„Какъ жестоки нравы, господствующіе теперь въ Финляндіи, показываетъ исторія, разыгравшаяся въ Вильманстрандѣ при принесеніи присяги финляндскимъ драгунскимъ полкомъ. Когда очередь дошла до офицеровъ, всѣ они отказались присягать на русскомъ языкѣ, а полковникъ заявилъ, что въ Финляндіи нѣтъ закона, требующаго отъ нихъ такой присяги. Генералъ-губернаторъ Бобриковъ пришелъ въ ярость и, размахивая кулакомъ передъ лицомъ полковника, закричалъ: „вотъ вамъ финляндскій законъ!“ Послѣ этого оскорбленія весь составъ офицеровъ подалъ въ отставку, но Бобриковъ для полковника успѣлъ уже добиться увольненія отъ должности.“

(Вѣстникъ Русской революціи № 2.)

III.

Памяти народной воли.

ПО ПОВОДУ ДВАДЦАТИЛѢТІЯ КАЗНИ ДѢЯТЕЛЕЙ I-ГО МАРТА.

(А. Желябовъ, С. Перовская, Н. Кибальчичъ, Т. Михайловъ, Н. Рысаковъ).

3 апрѣля 1881 г. — 3 апрѣля 1901 г.

„Служу дѣлу народнаго освобожденія“.

Слова Желябова на судѣ.

3-го апрѣля 1881 года къ длинному мартирологу русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ прибавились новыя имена, память о которыхъ глубоко запала въ наши сердца. И списокъ злодѣйствъ русскаго царизма увеличился новымъ преступленіемъ, за которое, какъ и за многія другія, онъ до сихъ поръ не расплатился.

Въ этотъ памятный день русскіе рабочіе должны помянуть добрымъ словомъ своихъ предшественниковъ, людей, которые душу свою положили за рабочій народъ; въ эту памятную годовщину мы, русскіе соціаль-демократы, должны вспомнить объ этихъ святыхъ, нашихъ святыхъ.

Да, нашихъ, потому что мы цѣликомъ принимаемъ на себя историческую отвѣтственность за совершенные ими акты, потому что

мы признаемъ себя ихъ наслѣдниками и продолжателями — и дѣлаемъ это съ гордостью.

Прошли времена, когда въ пылу полемики понятное увлеченіе заставляло людей дѣлать несправедливую и одностороннюю оцѣнку дѣятелей этой столь близкой къ намъ эпохи. Но зрѣлость политической партіи обнаруживается, между прочимъ, въ ея способности видѣть вещи въ ихъ исторической перспективѣ, признавать заслуги своихъ предшественниковъ и установить свою органическую, неразрывную съ ними связь. И вотъ для русской соціаль-демократіи настала пора воздать должное людямъ Народной Воли.

Мы признаемъ себя наслѣдниками и продолжателями Народной Воли съ гордостью не только потому, что народовольцы сами по себѣ представляютъ живое воплощеніе идеи красоты и чести; что они своей жизнью и своей смертью доказали, что слово не расходилось у нихъ съ дѣломъ; что они раскрыли передъ глазами потрясеннаго человѣчества, на что способны люди долга, не знающіе другихъ побужденій, кромѣ служенія своему идеалу, т. е., благу народа. Но и потому, что они предприняли и довели до конца не-

сравненно болѣе трудное дѣло. Убѣдившись, что соціально-революціонная партія идетъ не по тому пути, который они считали болѣе своевременнымъ и полезнымъ, они мужественно возстали противъ укоренившихся предразсудковъ, которые сильнѣе самаго могучаго тирана, ибо властвуютъ надъ совѣстью и умами. При этомъ они, эти новаторы, не смущались упреками заматерѣлыхъ консерваторовъ (а революціонные консерваторы завзятѣе всякихъ другихъ), говорившихъ имъ, что они измѣняютъ интересамъ народа, дѣлу соціализма. Они, хотя и съ большимъ трудомъ, добились пересмотра господствовавшихъ тогда въ революціонной средѣ воззрѣній и въ концѣ концовъ, перевели движеніе изъ закоулковъ антиполитическихъ или безполитическихъ тенденцій въ широкое русло политической борьбы, борьбы съ самодержавіемъ.

Въ настоящее время даже трудно понять, какъ сильно было среди семидесятниковъ убѣжденіе, что соціалисты не должны ставить себѣ политическихъ задачъ, что поступать такимъ образомъ значитъ нарушать основные принципы революціоннаго соціализма. Въ

этомъ отношеніи характеренъ уже одинъ тотъ фактъ, что первые народовольцы, потратившіе столько усилій на борьбу съ остатками бакунистскихъ воззрѣній, склонны были признавать свою тактику дѣйствительно не совсѣмъ согласною съ истинными задачами соціалистовъ. Но они оправдывали ее ссылкой на оригинальность русской соціально-политической обстановки: существованіе неограниченнаго самодержавія, стоящаго поперегъ пути всякой соціалистической пропагандѣ, вынуждаетъ дескать русскихъ соціалистовъ-народниковъ къ веденію политической борьбы. Въ маѣ 1880 года Желябовъ, одинъ изъ основателей и главныхъ дѣятелей партіи Народной Воли, писалъ: „Не велика заслуга передъ отечествомъ аскета-хранителя общеизвѣстнаго идеала. Мы, по крайней мѣрѣ, предпочли быть мірянами“ (Изъ письма его къ Драгоманову).

Задолго еще до того, какъ сложилась теорія, отводившая политической борьбѣ и стремленію къ политическому перевороту главное мѣсто среди ближайшихъ задачъ русскихъ соціалистовъ, цѣлый рядъ самопроизвольно

возникшихъ фактовъ неудержимо пролагалъ дорогу новымъ воззрѣніямъ.

Въ своихъ попыткахъ распространять соціалистическія идеи въ средѣ крестьянъ и рабочихъ, равно какъ въ своихъ попыткахъ начать агитацію на почвѣ насущныхъ экономическихъ потребностей народа народники-соціалисты ежеминутно сталкивались съ гнетомъ и произволомъ неограниченной царской власти и ея свирѣпыхъ слугъ. За передачу какой-нибудь книжки, за составленіе какого-нибудь кружка царскіе суды приговаривали къ долголѣтней каторгѣ; на всѣ попытки сближенія революціонной интеллигенціи съ народомъ правительство отвѣчало безпощадными преслѣдованіями, массовыми арестами и ссылками. Тогда соціалисты начали постепенно перехотить отъ обороны къ нападенію — и скоро царскіе лакеи почувствовали, что на мѣсто мечтательнаго идеалиста-пропагандиста выступаетъ закаленный борецъ и грозный мститель за поруганный народъ.

Помимо ряда убійствъ шпіоновъ*) и воору-

*) 1876 г. — Финогеновъ въ С.-Пб.; Гориновичъ (неудачно) и Тавлѣевъ въ Одессѣ;

1877 г. — въ С.-Пб. Шарашкинъ;

женныхъ сопротивленій при арестахъ **), былъ совершенъ цѣлый рядъ покушеній на жизнь царскихъ сановниковъ и клевретовъ разныхъ степеней.

Такъ 24 января 1878 г. Вѣра Засуличъ выстрѣлила въ петербургскаго градоначальника, башибузука Трепова за то, что по его приказанію былъ высѣченъ розгами политическій каторжанинъ Боголюбовъ; въ Кіевѣ было произведено покушеніе на товарища прокурора Котляревскаго и убитъ жандармскій капитанъ Гейкингъ; 4 августа, въ Петербургѣ среди бѣлаго дня, Кравчинскій поразилъ ударомъ кинжала шефа жандармовъ Мезенцева; наконецъ, въ томъ же году на югѣ замыш-

---

1878 г. — Никоновъ въ Ростовѣ на Дону;

1879 г. — Рейнштейнъ въ Москвѣ; Гоштофтъ (неудачно) въ Одессѣ; Куриловъ и Барановскій въ Кіевѣ и др.

**) 1875 г. — Циціанова въ Москвѣ;

1878 г. — Ковальскаго и другихъ въ Одессѣ; братьевъ Избицкихъ въ Кіевѣ; Колѣнкиной и Малиновской въ С.-Пб.; Сентянина въ Харьковѣ; офицера Дубровина въ Старой Руссѣ; Чубарова въ Одессѣ;

1879 г. — Лешернъ въ Кіевѣ; битва на Жилянской улицѣ въ Кіевѣ; Мирскій въ Таганрогѣ и др.

лялось покушеніе взорвать (въ Николаевѣ) пароходъ, на которомъ ѣхалъ Александръ II.

Въ 1879 году былъ убитъ соціалистами харьковскій губернаторъ Крапоткинъ; въ Спб. произошло покушеніе Мирскаго на жизнь новаго шефа жандармовъ, Дрентельна, и, наконецъ, всѣ эти покушенія завершились покушеніемъ Соловьева на жизнь Александра II 2 апрѣля 1879 года.

Понятно, эти проявленія терроризма вызвали со стороны взбѣсившагося правительства взрывъ строгостей и репрессалій; революціонеры логически должны были идти дальше по тому же пути, несмотря на то, что изъ ихъ собственной среды раздались предостерегающіе голоса. Направленіе дѣятельности было дано, хотя сами участники террористической борьбы очень мало или совсѣмъ не понимали ея истиннаго смысла, пытаясь примирить ее со старыми народническими ученіями. Уяснить существенный характеръ и цѣли предпринятой борьбы, дать ей теоретическое обоснованіе, обобщить различныя ея проявленія и довести ее до успѣшнаго конца — такова была цѣль партіи Народной Воли.

Люди, проникшіеся новыми идеями, собрались въ Липецкѣ, Тамбовской губерніи, на съѣздъ, который продолжался съ 17 по 21 іюня 1879 г. и въ которомъ участвовали Желябовъ, Александръ Михайловъ, Колоткевичъ, Ширяевъ, Тихомировъ, Квятковскій, Фроленко, Гольденбергъ, Оловянникова, Морозовъ, Баранниковъ и др. Здѣсь были сформированы основныя положенія новой программы и намѣчены средства къ ея осуществленію. Къ осени народовольцы разошлись съ народниками и окончательно сложились въ партію Народной Воли *).

Партія эта, какъ показываетъ ея названіе, боролась за достиженіе такого строя, при которомъ „народная воля“ **) могла бы получить полное и цѣльное осуществленіе. При этомъ народовольцы, которые, по крайней мѣрѣ въ первое время, продолжали оставаться по своимъ взглядамъ народниками, предполагали, что при осуществленіи этой воли строй народной жизни выльется въ формы или совсѣмъ соціалистическія, или весьма

*) Въ октябрѣ 1879 года вышелъ 1-ый номеръ газеты „Народная Воля“.

**) Не въ смыслѣ свободы, а въ смыслѣ желаній.

близкія къ соціализму. Многіе мечтали даже о томъ, чтобы, воспользовавшись разстройствомъ правительственныхъ сферъ, захватить власть въ свои руки и такимъ образомъ дать народному развитію сильный толчокъ въ сторону соціализма. Но во всякомъ случаѣ ближайшей цѣлью ихъ дѣятельности было низвергнуть самодержавное правительство или, по крайней мѣрѣ, принудить его къ широкимъ политическимъ уступкамъ.

Въ стремленіи къ этой цѣли „Исполнительный Комитетъ“ Народной Воли обнаружилъ нечеловѣческую энергію, упорство и самоотверженіе. На правительственныя репрессіи, на массовыя ссылки и казни неуловимый Комитетъ отвѣчалъ все новыми покушеніями, все болѣе страшными ударами. Покушеніе на взрывъ царскаго поѣзда подъ Одессой, подъ Александровскомъ, взрывъ царскаго поѣзда подъ Москвой (19 нояб. 1879г.), взрывъ Зимняго Дворца (5 февр. 1880 г.), подкопъ подъ Малую Садовую, минированіе Каменнаго моста въ Спб.— всѣ эти и многіе другіе подвиги *) увѣнчались,

*) Изъ многочисленныхъ дѣлъ Народной Воли отмѣтимъ еще: Вооруженныя сопротивленія при взятіи типографіи „Народной Воли“ (въ Спб., 17 янв. 1880 г.),

наконецъ, всенародной казнью тирана 1 марта 1881 года.

Послѣ того партія Народной Воли предприняла еще цѣлы рядъ покушеній и подготовленій къ совершенію политическаго переворота (какъ, напр., знаменитая Военная Организація Народной Воли и др.), но, въ концѣ концовъ, легла костьми въ неравномъ бою. Въ этой трагической схваткѣ между новой и старой Русью русская соціально-революціонная интеллигенція поставила на карту все; сверхъестественными усиліями ей, немногочисленной и слабой, удалось заставить весь міръ заговорить о себѣ и принудить деспотизмъ къ уступкамъ**). Но несмотря на то, что от-

при арестѣ Прѣснякова, при арестѣ Т. Михайлова, Саблина, Мартынова, Панкратова, Лисянскаго и др.; убійство жанд. полковника Судейкина, военнаго прокурора Стрѣльникова, шпіоновъ Прима, Шкряба, Жаркова и многое другое.

**) Какъ говорятъ, наканунѣ своей казни Александръ II подписалъ указъ о созывѣ представителей отъ земствъ для присоединенія ихъ къ Государственному Совѣту съ совѣщательнымъ голосомъ по вопросамъ, которые правительство укажетъ. Конечно, это уступка ничтожная, но это все таки уступка, да еще вырванная силой.

дѣльныя личности изъ рабочаго класса присоединились къ борющейся интеллигенціи, она не была, къ сожалѣнію, поддержана народной массой, недостаточно развитой, и потерпѣла неудачу...

А между тѣмъ народовольцы съ своей стороны прилагали много усилій, чтобы привлечь на свою сторону возможно больше рабочихъ. Такіе люди, какъ Желябовъ, Фигнеръ, Перовская и другіе, въ промежуткахъ между нѣсколькими террористическими покушеніями, ходили на рабочія собранія и вели тамъ пропаганду, рискуя быть схваченными полиціей. Они дѣлали это, можно сказать, съ веревкой на шеѣ. Но, къ сожалѣнію, самый родъ ихъ главной дѣятельности оставлялъ имъ слишкомъ мало времени для пропаганды среди рабочихъ и для организаціи рабочихъ союзовъ. Главныя свои усилія народовольцамъ приходилось затрачивать на устройство конспиративныхъ квартиръ, изготовленіе взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ, на заведеніе связей въ обществѣ для сбора денегъ, въ которыхъ они такъ нуждались, и для пріобрѣтенія укрывателей, — однимъ словомъ, на террористическую борьбу. А когда успѣхъ ихъ террористической дѣятельности превысилъ

ихъ ожиданія, потрясъ самодержавное правительство и вызвалъ надежды въ обществѣ, они увлеклись террористической борьбой до того, что остальныя отрасли ихъ дѣятельности естественно отодвинулись на второй планъ. Они, такъ сказать, затерроризировались. Но и помимо того, слабое развитіе рабочаго движенія въ то время объяснялось, въ конечномъ счетѣ, слабымъ развитіемъ капитализма и общей отсталостью экономической, политической и культурной жизни. . .

Политическая борьба народовольцевъ выразилась преимущественно въ формѣ террора. Но ошибочно было бы думать, что внѣ этого образа дѣйствій они не видѣли и не признавали ничего. Террористическая тактика выросла на почвѣ разочарованія въ возможности массового, народнаго революціоннаго движенія, разочарованія, которое къ началу 80-хъ годовъ было преобладающей чертой интеллигентнаго настроенія *). Терроръ —

*) Сказанное не совсѣмъ примѣнимо къ „черно-передѣльцамъ“, остаткамъ народнической партіи „Земля и Воля“. Они вѣрили въ возможность народнаго движенія и созданія „народной партіи“. Но имъ ничего не удалось сдѣлать для этого.

это внѣшняя оболочка, случайный въ извѣстномъ смыслѣ покровъ народовольческой дѣятельности, костюмъ, который съ измѣненіемъ условій можно сдать въ архивъ и снова извлечь оттуда въ случаѣ надобности. Это первая историческая форма политической борьбы русскихъ соціалистовъ. Такую же роль случайнаго аппарата игралъ и пресловутый „захватъ власти“, мостъ, который народовольцы пытались перебросить черезъ глубокую, по мнѣнію тогдашнихъ революціонеровъ, пропасть, отдѣляющую соціализмъ отъ политики; это, наконецъ, запоздалый отголосокъ бакунистской революціи, связующей воедино политическій и соціальный ея моменты, въ своеобразной, впрочемъ, народовольческой окраскѣ. Это остатки старой шкуры, которую движеніе въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи должно было сбросить и сбросило.

Но наряду съ этими второстепенными и, такъ сказать, случайными моментами народовольческаго міровоззрѣнія основная его черта, борьба съ самодержавіемъ за политическое освобожденіе стра-

ны, пережила партію „Народной Воли“ и вошла органической составной частью въ программы послѣдующихъ революціонныхъ движеній, въ томъ числѣ нашего соціаль-демократическаго. (Ср. „Манифестъ“ нашей Партіи).

Съ другой стороны, народовольцы оставили намъ въ наслѣдство другое завоеваніе, не менѣе важное, чѣмъ первое, и тѣсно съ нимъ связанное. До того момента, какъ на сцену выступилъ Исполнительный Комитетъ, и пока дѣйствовали революціонеры-народники, либеральные и демократическіе элементы русскаго общества могли восторгаться революціонерами, какъ прекрасными нравственными типами и печальниками народа, но видѣть въ нихъ политическихъ дѣятелей они, по всей справедливости, не могли. Народная Воля, сформулировавъ непосредственную политическую задачу соціалистовъ-революціонеровъ, какъ борьбу съ самодержавіемъ, сразу естественно стала во главѣ обще-оппозиціоннаго, національнаго движенія къ освобожденію Россіи отъ гнета деспотизма. Въ этомъ смыслѣ Желябовъ совершенно вѣрно замѣ-

тилъ, что русская революція *) представляется ему не какъ освобожденіе спеціально крестьянскаго или рабочаго класса, а какъ возрожденіе всего русскаго народа вообще. Съ этого поворотнаго въ исторіи соціально-революціонной борьбы пункта и датируетъ главенство и руководящая роль русскихъ соціалистовъ въ освободительномъ движеніи страны.

Таковы заслуги тѣхъ дѣятелей, которыхъ мы вспоминаемъ 3-го апрѣля. Наступилъ моментъ подвести итоги тому, что сдѣлала и что дала партія Народной Воли, и въ результатѣ такого подведенія итоговъ мы можемъ сказать, что дѣло, совершенное народовольцами, при всѣхъ промахахъ и недостаткахъ отдѣльныхъ лицъ, возвышенно и велико. Ихъ недостатки были недостаткими эпохи, ихъ достоинства и заслуги были ихъ личными достоинствами и заслугами. И резюмируя свою краткую замѣтку, мы смѣло говоримъ, что Народная Воля въ этомъ смыслѣ не погибла, что она жива во всѣхъ насъ, въ нашей Со-

*) Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о политической революціи.

ціаль-Демократической Рабочей Партіи, которая подхватила выпавшее изъ рукъ побитыхъ, но не побѣжденныхъ борцовъ знамя и несетъ его впередъ вплоть до полной побѣды!

Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель, передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

(Соціальдемократическій Календарь 1902 г.)

IV.

Военщина противъ гражданъ.

Нижеприводимый циркуляръ полученъ Центральнымъ Комитетомъ Бунда изъ Кіевскаго Военнаго Округа.

Штабъ №..... дивизіи
по части стр. Циркулярно. Секретно.
20 іюня 1901 г.

Командиру N-скаго полка.

Начальникъ Главнаго Военно-Судебнаго Управленія, письмомъ отъ 8 истекшаго мая за № 105, увѣдомилъ, что Высочайше утвержденною при Главномъ Штабѣ комиссіею для принятія мѣръ противъ разнузданности евреевъ былъ выработанъ проектъ правилъ по сему предмету, которыя главнымъ образомъ сводятся: 1) къ увеличенію наказаній за нанесеніе евреями оскорбленій военнослужащимъ; 2) къ измѣненію порядка возбужденія подобнаго рода дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы они начинались помимо жалобъ потерпѣвшихъ и не могли оканчиваться примиреніемъ,

и 3) къ передачѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ, по ходатайству командующихъ войсками военныхъ округовъ и съ разрѣшенія министровъ воен., юстиціи и внутр. дѣлъ, по взаимному ихъ соглашенію, дѣлъ о евреяхъ, обвиняемыхъ въ причиненіи военно-служащимъ оскорбленій и всякаго рода насилій, на разсмотрѣніе военнаго суда, съ примѣненіемъ къ виновнымъ, по особенно важнымъ дѣламъ, законовъ военнаго времени.

Съ своей стороны воен. мин-ство, препровождая означенный проектъ на заключеніе мыинистровъ юстиціи и внутр. дѣлъ, полагало право передачи дѣлъ о евреяхъ въ военный судъ, въ мѣстностяхъ, подчиненныхъ ген.-губернаторамъ, предоставить симъ послѣднымъ. Сверхъ того оно находило необходымымъ установить и мѣры административнаго воздѣйствія въ отношеніи виновныхъ евреевъ, а именно: 1) предоставить мѣстнымъ ген.-губ. право администр. высылки евреевъ изъ мѣстъ ихъ жительства; 2) налагать на еврейскую общину поселенія, въ коемъ возникло столкновеніе съ военнослужащими, денежные штрафы, и 3) примѣнять къ таковымъ поселеніямъ военныя экзекуціи.

Однако противъ предложеній, изложенныхъ въ означенныхъ 3-хъ пунктахъ, мин-ства юстиціи и внутр. дѣлъ представили самыя рѣшительныя возраженія, находя, что дѣла объ административной высылкѣ не могутъ разрѣшаться иначе, какъ въ порядкѣ, опредѣленномъ 32—34 ст. Полож. объ охранѣ, черезъ особое совѣщаніе при министерствѣ внутр. дѣлъ; для наибольшаго же соблюденія интересовъ воен. вѣд-ва, мин. во сіе не встрѣчаетъ препятствій допустить въ упомянутое совѣщаніе, по дѣламъ о столкновеніи евреевъ съ военнослужащими, представителя отъ военнаго мин-ства. Что касается вопроса о денежныхъ штрафахъ и военныхъ экзекуціяхъ, то мин-ста внутр. дѣлъ и юстиціи находятъ эти мѣры противорѣчащими основнымъ положеніямъ уголовнаго закона, по которому всякій несетъ отвѣтственность только за себя, тогда какъ при примѣненіи сихъ мѣръ будутъ страдать и невинные. Засимъ въ отношеніи передачи дѣлъ о евреяхъ въ военный судъ, м-во вн. дѣлъ высказалось, что оно согласно допустить эту мѣру, но лишь на основаніяхъ, указанныхъ въ проектѣ, а м-во юстиціи возражаетъ вообще противъ сей мѣры, находя,

что воен. судъ, при сужденіи по обыкновеннымъ законамъ, никакими преимуществами передъ судомъ гражданскимъ не обладаетъ; сужденія же по законамъ воен. времени возможно допустить лишь въ случаяхъ и въ порядкѣ, указанномъ въ положеніи объ охранѣ. Наконецъ, по остальнымъ предложеніямъ комиссіи оба названныя министерства согласились съ мнѣніемъ воен. мин-ва, что увеличеніе наказаній за оскорбленіе военнослужащихъ и измѣненіе въ порядкѣ возбужденія дѣлъ о такихъ оскорбленіяхъ должны быть мѣрами общими, а не исключительно относительно дѣлъ о евреяхъ.

Въ виду того, что по проекту Уголовн. Улож. наказанія вообще за оскорбленія значительно повышены и вмѣстѣ съ тѣмъ установлены особыя наказанія за оскорбленіе всякаго рода воинскихъ командъ, при чемъ принимались во вниманіе и заявленія по сему предмету воен. мин-ства, послѣднее не усмотрѣло достаточныхъ основаній возбуждать еще новое ходатайство о спеціальномъ увеличеніи наказаній за оскорбленіе военнослужащихъ. Относительно же необходимости измѣненія порядка возбужденія дѣлъ по симъ

оскорбленіямъ указывается нынѣ въ замѣчаніяхъ воен. мин-ства на проектъ новой редакціи Устава Уголовн. Судопроизводства.

Не считая однако возможнымъ удовлетвориться изложенными результатами работъ по вопросу о мѣрахъ противъ разнузданности евреевъ, предложено настаивать на необходимости установленія болѣе серьезныхъ гарантій для военнослужащихъ противъ еврейской наглости.

Вслѣдствіе сего командующій войск. окр. изволилъ приказать просить командира корпуса о доставленіи своихъ соображеній по вышеуказаннымъ предложеніямъ воен. м-ства: а) какъ относительно передачи дѣлъ о евреяхъ въ военный судъ, б) такъ и о мѣрахъ администрат. характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Превосходительству угодно имѣть свѣдѣнія о всѣхъ выдающихся случаяхъ столкновеній евреевъ съ военнослужащими за время съ 1897 г.

* * *

Русскому обывателю приходится терпѣть не только отъ произвола административныхъ властей всѣхъ видовъ и ранговъ, которыя и

существуютъ вѣдь только затѣмъ, чтобы водворять среди него „тишину и спокойствіе“; ему приходится выносить не только полицейскія и казацкія расправы надъ собою, которыя полагаются ему, такъ сказать, по штату, — но онъ не можетъ считать себя въ безопасности также со стороны нашего „христолюбиваго воинства“.

На воинство нашъ обыватель ежегодно очень усердно разоряется, буквально не щадя своего живота и умирая съ голоду, и тѣмъ не менѣе это воинство не только считаетъ себя совершенно отъ него независимымъ, не только не чувствуетъ къ нему какое-либо уваженіе, но даже по временамъ ведетъ себя съ нимъ такъ, какъ будто бы оно имѣетъ дѣло съ только-что побѣжденнымъ непріятелемъ. Оно и понятно. Наше самодержавное правительство по самому своему существу не можетъ имѣть другого войска. Опираясь главнымъ образомъ на грубую физическую силу, властвуя надъ населеніемъ лишь по своему произволу, оно должно больше, чѣмъ всякое другое современное правительство стараться о томъ, чтобы поставить всѣ свои органы въ зависимость только отъ самого

себя, противопоставить ихъ остальному населенію и сдѣлать ихъ совершенно неотвѣтственными предъ послѣднимъ. Въ такое же положеніе оно, конечно, должно было поставить и военную силу, свою главную опору. При этомъ царское правительство рѣзко различаетъ офицерство отъ рядовыхъ солдатъ. Изъ первыхъ оно тщательно культивируетъ особою касту „благородныхъ“, — одно изъ господствующихъ сословій, а вторыхъ оно строжайшей военной дисциплиной вполнѣ подчиняетъ первымъ, развивая въ то же время въ нихъ отчужденность по отношенію къ населенію. Рѣзко противопоставляя „военнослужащихъ“ остальному населенію, правительство прямо и косвенно развиваетъ въ нихъ чувства и инстинкты господствующаго сословія, пренебреженіе къ народной массѣ и въ частныхъ столкновеніяхъ военныхъ съ обывателями обыкновенно становится на сторону первыхъ.

Одно знаменитое офицерское „чувство чести“ можетъ сказать намъ въ этомъ отношеніи очень многое. Безшабашно кутить, развратничать, насиловать женщинъ, бить солдатъ, нападать съ оружіемъ въ рукахъ на

безоружныхъ людей, дѣлать военные набѣги на цѣлыя поселенія мирныхъ жителей и т. д. — все это не нарушаетъ офицерской „чести“, а вотъ, если „подвигъ“ какого либо военнослужащаго назовутъ собственнымъ именемъ, — это оказывается такимъ оскорбленіемъ, котораго офицеръ не въ состояніи перенести...

Благодаря всѣмъ указаннымъ обстоятельствамъ наше „христолюбивое воинство“ успѣло прославиться многочисленными „подвигами“ противъ мирнаго населенія. Конечно, цензура не допускаетъ въ печать сообщеній объ этихъ „подвигахъ“ и мы знаемъ поэтому только о небольшомъ числѣ ихъ, но и эти немногіе факты говорятъ о многомъ.

Мы здѣсь совсѣмъ не касаемся „подвиговъ“ нашего доблестнаго воинства, когда оно по вызову администраціи направляло свои штыки и ружья противъ безоружныхъ рабочихъ. Есть факты другого рода. Изъ-за личныхъ ссоръ кого либо изъ военныхъ съ кѣмъ либо изъ обывателей наше воинство не разъ подъ командой своихъ начальниковъ производило вооруженные набѣги на цѣлыя поселенія мирныхъ жителей. Такъ въ самомъ кон-

цѣ 80-хъ годовъ войска произвели разгромъ одного села въ Моршанскомъ уѣздѣ за то, что крестьяне прогнали за безобразія нѣсколькихъ „охотниковъ“ (изъ военныхъ охотничьихъ командъ) со своей свадьбы. Послѣ разгрома богатое село было еще въ наказаніе разорено военнымъ постоемъ. Въ 1897 году въ Минскѣ произошла на базарѣ драка между солдатами и евреями, послѣ которой появилась команда вооруженныхъ солдатъ подъ начальствомъ офицера Галашенко и произвела самосудъ надъ евреями, громя еврейскія лавки и избивая всѣхъ, кто попадался подъ руку. Черезъ 2—3 года послѣ того въ Шкловѣ тоже изъ-за личной ссоры военной командой подъ предводительствомъ офицеровъ былъ произведенъ кровопролитный погромъ еврейскаго населенія. И при всѣхъ этихъ столкновеніяхъ судили не военныхъ, а избитыхъ, и послѣдніе оказывались виновными и шли въ арестантскія роты и проч.

Это факты насилія воинства надъ цѣлыми поселеніями, а сколько совершается непрестанно и во всѣхъ углахъ Россіи самыхъ возмутительныхъ насилій со стороны „военнослужащихъ“ надъ отдѣльными лицами, которыя по

большей части проходятъ совершенно безнаказанно и даже рѣдко бываютъ извѣстный широкой публикѣ. Даже такой, напримѣръ, фактъ, какъ массовыя изнасилованія женщинъ на улицахъ губернскаго города Симферополя стоявшими тамъ казаками лѣтомъ 1897 г., не вызвалъ особаго шума, хотя заставилъ даже нашу полицію вмѣшаться въ дѣло. Но дѣло кончилось только выведеніемъ казачьяго полка изъ Симферополя. Напомнимъ еще далеко не всѣмъ извѣстный случай „пропажи" въ Петербургѣ головы города Торжка въ 1891 или 1892 г., случай, обнаружившій, что въ самой столицѣ гвардейцы его величества занимались убійствомъ и грабежомъ проходящихъ по улицамъ, гдѣ расположены ихъ казармы. Конечно, было назначено слѣдствіе, но о наказаніяхъ за эта убійства и грабежи ничего не было слышно.

А сколько извѣстно случаевъ столкновенія офицеровъ со штатскими, когда первые пускали въ ходъ оружіе и, осужденные за это судомъ, обыкновенно миловались его величествомъ!

Понятно само собой, что факты, подобные отмѣченнымъ нами, происходили уже не толь-

ко за послѣдніе годы и въ этомъ отношеніи сравнительно съ прежними временами у насъ мало что измѣнилось. Въ чемъ дѣйствительно произошла замѣтная перемѣна, такъ это въ чувствительности нашего населенія ко всякимъ подобнымъ насиліямъ. Если въ памяти обывателей чрезвычайно мало сохранилось фактовъ о „подвигахъ“ военныхъ, бывшихъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, то факты послѣднихъ десяти лѣтъ уже не такъ-то легко забудутся ими...

Съ другой стороны, пробужденіе сознанія среди демократическихъ элементовъ, особенно среди рабочихъ, почувствовали, конечно, не только царское правительство да наши фабриканты. Его почувствовали всѣ „господа“, рѣзко различающіе кость бѣлую отъ кости черной. Въ ростѣ силы демократіи они естественно видятъ нарушеніе своихъ священныхъ правъ, нарушеніе, способное низвести ихъ на степень „чернаго“ народа. И они цѣпляются теперь за все, чтобы остановить этотъ неуклонный ходъ исторіи, и разными чрезвычайными мѣрами стараются сохранить свое прежнее привилегированное положеніе.

На этомъ же основаніи и наше „благород-

ное“ воинство начало ясно чувствовать, что при настоящихъ условіяхъ ему трудно охранить офицерскую „честь“, не поступаясь своими „благородными“ замашками. И для защиты этой „чести“ уже Александръ III не только разрѣшилъ, но сдѣлалъ обязательными (по рѣшенію офицерскихъ судовъ) дуэли между офицерами и офицеровъ со штатскими. Вполнѣ понятно, что при помощи пистолета или шпаги офицеру легче защитить свою „честь“, особенно противъ штатскихъ, обыкновенно неумѣющихъ держать въ рукахъ оружія, чѣмъ возстановить ее другимъ, болѣе доказательнымъ способомъ.

Но однѣхъ дуэлей для защиты офицерской „чести“ оказывается далеко недостаточно. Какъ нарочно, за послѣдніе годы „военнослужащіе“ должны были почувствовать пробужденіе чувства собственнаго достоинства среди самой забитой части нашего населенія — среди еврейской бѣдноты, которая при столкновеніи съ военными давала имъ отпоръ, какой могла.

Само собою разумѣется, что „еврейская разнузданность“ особенно усилилась вмѣстѣ съ соціальдемократическимъ дви-

женіемъ еврейскаго пролетаріата. Сознательные еврейскіе рабочіе не разъ уже оказывали сопротивленіе военному насилію.

И вотъ, какъ видимъ изъ напечатаннаго выше секретнаго циркуляра, учреждается „высочайше утвержденная при главномъ штабѣ комиссія для принятія мѣръ противъ разнузданности евреевъ". Комиссія требуетъ „увеличенія наказаній за нанесеніе евреями оскорбленій военнослужащимъ", требуетъ, чтобы эти оскорбленія были признаны не частнымъ дѣломъ, а дѣломъ всего военнаго сословія, и добивается, чтобы „въ отдѣльныхъ случаяхъ по ходатайству командующихъ войсками округовъ", надъ евреями предоставлено было расправляться самимъ военнымъ „съ примѣненіемъ къ виновнымъ, по особенно важнымъ дѣламъ, законовъ военнаго времени, т. е. смертныхъ приговоровъ. Но военному министерству показалось и этого слишкомъ мало. Оно требуетъ, чтобы дѣла объ оскорбленіи „военнослужащихъ" евреями цѣликомъ были переданы самимъ военнымъ — генералъ-губернаторамъ (въ мѣстахъ, гдѣ живутъ евреи, существуютъ почти исключительно генералъ-

губернаторства), предоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ господамъ военнымъ права высылать евреевъ, налагать на еврейскія поселенія контрибуціи („штрафы“) и примѣнять къ нимъ военныя экзекуціи (разоренія населенія при помощи продовольствованія войскъ). Что же касается увеличенія наказаній за оскорбленіе евреями военнослужащихъ и порядка возбужденія дѣлъ подобнаго рода, то военное министерство требуетъ этихъ измѣненій не только по отношенію къ евреямъ, но и ко всѣмъ россійскимъ обывателямъ.

Но почтенные „господа“ военные считались въ этомъ случаѣ только со своими „благородно“ развращенными чувствами и совсѣмъ не приняли въ разсчетъ существующей дѣйствительности, хотя бы въ формѣ положенія объ усиленной охранѣ и о существованіи министерства юстиціи, о чемъ имъ и напомнили это министерство и министерство внутреннихъ дѣлъ; имъ напомнили также о томъ, что контрибуціи и военныя экзекуціи, налагаемыя на цѣлыя населенія за вину отдѣльныхъ лицъ, противорѣчатъ „основнымъ положеніямъ уголовнаго закона“, иначе говоря, недопустимы въ современной Россіи, такъ

какъ опасны для самаго самодержавнаго правительства. Въ предѣлахъ же возможности министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи выражаютъ свое согласіе на пожеланія военнаго министерства.

Но „изложенными результатами работъ по вопросу о мѣрахъ противъ разнузданности евреевъ“ наше воинство не хочетъ удовлетвориться и рѣшило настаивать на болѣе серьезныхъ мѣрахъ противъ „еврейской наглости“.

Съ этой цѣлью теперь собираются свѣдѣнія о столкновеніяхъ военнослужащихъ съ евреями отъ самихъ военныхъ, такъ или иначе обиженныхъ въ этихъ столкновеніяхъ.

Но, господа военные, жалки всѣ ваши усилія остановить развитіе самосознанія среди широкихъ слоевъ народа, они только еще болѣе позорятъ васъ, но неспособны сохранить ваше прежнее привилегированное положеніе.

Рабочее движеніе у насъ растетъ и развивается, его не остановить никакими силами, и оно готовитъ конецъ всякому господству сильныхъ міра сего.

(Рабочее дѣло № 10.)

V.

О демонстраціяхъ.

Дни идутъ за днями, но не походятъ одинъ на другой. Давно-ли люди, мнившіе себя опытными „практиками“, старались убѣдить „теоретиковъ“ въ томъ, что „толковать рабочей массѣ въ Россіи объ уничтоженіи капитализма, о соціализмѣ, наконецъ, объ уничтоженіи самодержавія вообще нелѣпость“, и рѣзко порицали группу „Осв. Труда“ за то, что она будто бы хотѣла „взять самодержавіе на уру“. Теперь голоса такихъ „критиковъ“ окончательно смолкли, теперь даже неисправимые „экономисты“ стараются придать своимъ рѣчамъ политическій оттѣнокъ, и теперь, повидимому, въ самомъ дѣлѣ появились люди, думающіе, что самодержавіе можетъ быть взято „на уру“ однимъ энергичнымъ усиліемъ. Кто напоминаетъ этимъ людямъ, что наша побѣда надъ царизмомъ еще не близка, того они упрекаютъ въ „расхолаживаніи“ революціонеровъ.

Это, конечно, необдуманные упреки: серьезныхъ революціонеровъ не расхолодишь никакими напоминаніями о продолжительности предстоящей имъ борьбы, а на кого такія напоминанія могутъ подѣйствовать угнетающимъ образомъ, тотъ горячъ лишь на поверхности. Побѣдятъ врага не тѣ, которые ежедневно твердятъ, что мы переживаемъ „канунъ революціи“, а тѣ, которые готовы неустанно исполнять всю, — какъ праздничную, такъ и будничную работу, необходимую для скорѣйшаго наступленія кануна революціи. Тѣ крестоносцы, которые, едва выступивъ изъ своихъ деревень, при видѣ каждой колокольни спрашивали: „не это-ли Іерусалимъ?“, не попали въ Палестину. Іерусалимъ былъ взятъ тѣми опытными воинами, которые знали дальность ожидавшаго ихъ пути и приняли мѣры для преодолѣнія его трудностей. Въ нашемъ дѣлѣ самообманъ опаснѣе для насъ, чѣмъ всѣ военныя хитрости нашего коварнаго непріятеля.

Демонстраціи, ознаменовавшія собою начало 1901 г., повторились въ его концѣ. Все заставляетъ думать, что и новый, 1902 годъ, будетъ такимъ же, если не болѣе, бурнымъ,

какъ и его предшественникъ. Рабочій классъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ демонстраціяхъ; по большей части онъ составляетъ главную ихъ силу. Но не будемъ обманывать себя словами. Рабочій классъ оказывается представленнымъ въ демонстраціяхъ лишь нѣкоторыми своими слоями. Онъ еще не двинулся всей своей массой. Исключеніе изъ этого правила составляютъ развѣ лишь извѣстныя московскія волненія. И именно тѣмъ, что не вся рабочая масса участвуетъ въ демонстраціяхъ, объясняется то, что полиція пока еще очень легко справляется съ „нарушителями порядка". Она еще нигдѣ не встрѣтила отпора. А отпоръ психологическій необходимъ, потому что, если его еще долго не будетъ, то демонстраціи станутъ утрачивать свое воспитательное вліяніе на массу и пріобрѣтать въ ея глазахъ значеніе опыта, доказывающаго полную невозможность открытаго сопротивленія власти. И тогда неизбѣжно и естественно возникнутъ такія формы борьбы, которыя отдалятъ революціонеровъ отъ рабочей массы и чрезвычайно сильно затруднятъ имъ рѣшеніе ихъ важнѣйшей задачи, о которой они

не должны забывать нигдѣ и никогда, — задачи систематическаго и неуклоннаго содѣйствія всестороннему развитію классового самосознанія пролетаріата. Кто умѣетъ цѣнить воспитательное значеніе демонстрацій и кто желаетъ сохранить это ихъ значеніе, тотъ долженъ всѣми силами стремиться къ тому, чтобы онѣ все болѣе и болѣе пріобрѣтали массовой характеръ. Тамъ, гдѣ массовыя демонстраціи еще невозможны, лучше до поры до времени не выходить на улицу. Но за то тамъ надо съ тѣмъ большей энергіей и немедленно же взяться за подготовленіе массовыхъ демонстрацій.

До сихъ поръ на эту сторону дѣла не было обращено достаточнаго вниманія. Передъ нами лежитъ письмо, полученное редакціей „Искры“ нѣсколко недѣль тому назадъ изъ одного университетскаго русскаго города и прекрасно подтверждающее справедливость нашихъ словъ. „Вотъ теперь — говоритъ авторъ письма — опять начались студенческія волненія, грозящія разростись въ новые „безпорядки“. Кажется, давно бы пора выпустить къ рабочимъ прокламацію, излагающую ходъ событій въ студенческой средѣ, объясняющую

причины волненій и т. д., но ничего подобнаго не дѣлается. Не знаю, чѣмъ это объяснить... Почему не сообщить рабочимъ о томъ, какъ борются за свои права студенты, почему не выяснить значенія ихъ борьбы съ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ общей борьбѣ всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ съ правительствомъ, не указать на стойкость и взаимную поддержку учащихся разныхъ городовъ?... интеллигенція какъ будто довольствуется тѣмъ, что двѣ-три сотни рабочихъ, сконцентрированные въ ея кружкахъ, знаютъ обо всемъ, что творится кругомъ ея... до той же массы, которая скрывается за этими избранниками, ей никакого дѣла нѣтъ"...

Мы не хотимъ ручаться за то, что въ этой картинѣ нѣтъ никакихъ преувеличеній. Отнюдь не хотимъ! Мы прекрасно знаемъ, что преувеличенія вполнѣ возможны въ устахъ и подъ перомъ того, кто, близко и внимательно наблюдая ходъ дорогого ему дѣла, особенно поражается замѣченными имъ упущеніями и недостатками. Но что указанные авторомъ письма недостатки и упущенія дѣйствительно существуютъ, это для насъ не подлежитъ сомнѣнію. Политическая агитація въ мас-

сѣ еще недостаточно обдуманна, широка и систематична. Рабочая масса, взятая въ ея цѣломъ, еще мало знаетъ о томъ, что дѣлается въ тѣхъ — рабочихъ и „интеллигентныхъ“, — слояхъ населенія, которые уже вполнѣ прониклись духомъ „безпорядка“. Поэтому она и не оказываетъ этимъ слоямъ всей той поддержки, которую она могла бы и должна была бы оказывать. Если бы демонстраціямъ предшествовала обдуманная, систематическая и широкая агитація въ рабочей массѣ, подобная той, которая имѣетъ мѣсто въ студенческой средѣ, — гдѣ передъ каждой большой демонстраціей происходитъ множество подготовительныхъ совѣщаній и собраній, — то на нашъ призывъ откликались бы не тысячи а десятки тысячъ рабочихъ, и тогда мы повели бы съ нашими „усмирителями“ совсѣмъ другой разговоръ.

Вѣрно, конечно, и то, что обдуманная дѣятельная и широкая агитація въ массѣ для подготовки цѣлесообразныхъ демонстрацій сама предполагаетъ существованіе стройной и прочной организаціи силъ революціонной соц.-демократіи. Но

безъ такой организаціи намъ теперь вообще невозможно обходиться.

Скажемъ еще разъ: Демонстраціи должны теперь пріобрѣтать все болѣе и болѣе массовой характеръ. Но этого мало. На каждой демонстраціи надо умѣть противопоставить полицейскимъ безчинствамъ организованое сопротивленіе. Какъ организовать сопротивленіе? Лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ данъ, разумѣется, опытомъ. Но за опытъ придется платить страшно дорого. Поэтому намъ слѣдуетъ заранѣе прислушиваться ко всѣмъ практическимъ указаніямъ, идущимъ изъ лагеря противниковъ нашего нынѣшняго политическаго строя.

Не такъ давно вышедшая заграницей брошюра „Объ уличныхъ безпорядкахъ (мысли военнаго)“ даетъ намъ нѣсколько совѣтовъ на счетъ того, какъ сопротивляться организованной и вооруженной силѣ царскаго правительства. Правда, авторъ брошюры пріурочиваетъ свои совѣты къ такому моменту, который еще не насталъ и пока еще неизвѣстно, когда настанетъ. Онъ совѣтуетъ въ самомъ началѣ борьбы народа съ войскомъ

какъ можно скорѣе „изъять изъ обращенія“ гражданское, полицейское и военное начальство. Этотъ совѣтъ самъ по себѣ очень не дуренъ. Револ. соц.-демократія, вѣроятно, и сдѣлаетъ рекомендуемый авторомъ смѣлый шагъ въ то время, когда она, крѣпко организовавъ свои силы и пріобрѣтя рѣшительное вліяніе на народную массу, а, слѣдовательно, и на весь ходъ общественныхъ событій, окажется въ состояніи взять на себя починъ вооруженнаго возстанія для нанесенія послѣдняго, смертельнаго удара издыхающему царизму. Это будетъ счастливое время. Но теперь мы вынуждены ставить себѣ тѣ болѣе скромныя практическія задачи, безъ предварительнаго рѣшенія которыхъ указанное счастливое время никогда не станетъ для насъ настоящимъ временемъ. А въ числѣ этихъ задачъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ занимаетъ, по нашему мнѣнію, организація такого сопротивленія предержащимъ властямъ, которое, не будучи — пока еще преждевременнымъ — открытымъ возстаніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечило бы участникамъ демонстрацій возможность давать

хорошую здачу полицейско-казацкой ордѣ. Но и въ этомъ смыслѣ совѣты автора названной выше брошюры представляются намъ далеко не безполезными. Онъ пишетъ, напр.: „Въ современной народной толпѣ есть элементъ очень цѣнный съ точки зрѣнія силы, могущей быть противопоставленной силѣ войска... Среди рабочихъ имѣется не мало запасныхъ воинскихъ чиновъ всѣхъ родовъ оружія. Есть пѣхотинцы, есть кавалеристы, есть артиллеристы... Сгруппировавшись по родамъ оружія, раздѣлившись на десятки, съ выбраннымъ начальникомъ во главѣ, рабочіе изъ запасныхъ воинскихъ чиновъ во время волненія будутъ центрами, около которыхъ сами собой сгруппируются разрозненные элементы толпы.

„Организованные въ мирное время „десятки", — во время волненій явятся кадрами народнаго войска.

„Люди „десятка" должны хорошо знать другъ друга, должны быть въ состояніи довѣрять другъ другу и вполнѣ полагаться другъ на друга... Во время боя люди „десятка" должны во что бы то ни стало держаться вмѣстѣ"...

Въ другомъ мѣстѣ брошюры авторъ обращаетъ вниманіе своихъ читателей на ту пользу, которую можетъ принести протянутая поперекъ улицы (на аршинъ отъ земли) проволока. По его замѣчанію, такая проволока можетъ остановить движеніе конницы и артиллеріи и породить очень полезную для революціонеровъ сумятицу.

Наконецъ, отмѣтимъ еще вотъ какіе совѣты нашего автора: „Пѣхоту слѣдуетъ окружать со всѣхъ сторонъ, стѣснять, разобщать солдатъ другъ отъ друга и отъ ихъ офицеровъ".

„Солдатамъ же слѣдуетъ заранѣе внушать, что не противъ нихъ бьется народъ"...

Все это очень похоже на полную и чрезвычайно полезную правду, и мы отъ всей души благодаримъ г. „военнаго" за его „мысли".

Конечно, дѣло не въ частностяхъ. Запасные рядовые могутъ быть организованы не въ „десятки", а какъ-нибудь иначе. Рядомъ съ ними могутъ возникнуть и, вѣроятно, возникнутъ другія боевыя единицы изъ рабочихъ и студентовъ. Очень возможно, что боевыя дружины этого послѣдняго рода окажутся даже болѣе соотвѣтствующими свойствами

нашей революціонной среды. Но вѣрно то, что мы уже теперь можемъ приступить къ организаціи сопротивленія во время демонстрацій. Когда мы организуемъ его, тогда полицейскіе кулаки и казацкія нагайки перестанутъ безнаказано гулять по головамъ и по спинамъ студентовъ, рабочихъ и „постороннихъ лицъ“.

Эти соображенія о пользѣ, которую могло бы принести намъ созданіе подвижныхъ боевыхъ дружинъ, снова приводятъ насъ къ мысли о необходимости общей, централизованной организаціи силъ революціонной соціальдемократіи. Высказать эту мысль — значитъ повторяться. Но повторенія въ этомъ случаѣ неизбѣжны, и мы не боимся ихъ. Съ терпѣніемъ перса, поневолѣ каждый день повторявшаго своему господину: „царь, помни объ аѳинянахъ“, мы добровольно будемъ твердить нашимъ товарищамъ: помните, что намъ надо съорганизоваться!

(Искра № 14)

VI.

Какъ царь и его министры правятъ Россіей.

(Государственный строй.)

За послѣднее время искра сознанія постепенно разгорается въ яркое пламя сознательнаго рабочаго движенія, которое стремится сбросить съ своихъ плечъ и съ плечъ всего русскаго народа тяжелое ярмо нищеты, рабства и насилія. Только понявъ все, что кругомъ дѣлается, можно добиться лучшей доли. Чѣмъ больше сознанія, тѣмъ ближе побѣда. До сихъ поръ массы русскаго народа не знаютъ того государственнаго строя, подъ гнетемъ котораго они живутъ столько вѣковъ и выносятъ столько страданій. Это — своего рода машина, которая управляетъ всей Россіей. Она устанавливаетъ всякаго рода налоги и подати, вырываетъ самыя лучшія и здоровыя силы самыхъ крѣпкихъ работниковъ для своей арміи, растрачиваетъ потомъ и кровью добытыя денежки на такія затѣи, которыя не только безполезны народу, но даже

вредны; она устраиваетъ тюрьмы, ссылаетъ лучшихъ людей въ отдаленныя мѣста Сибири; она держитъ народъ во тьмѣ и невѣжествѣ; она владѣетъ цѣлой арміей полицейскихъ шпіоновъ, жандармовъ, съ помощью которыхъ держитъ всю Россію въ желѣзныхъ тискахъ покорности и повиновенія. Ста-тридцатимилліонное населеніе Россіи живетъ и работаетъ для небольшой кучки тунеядцевъ-заправилъ, которые захвативъ въ свои руки власть надъ всѣмъ, распоряжаются даже жизнью человѣка. Главная цѣль для нашего правительства, — это тишина, спокойствіе и покорность, а главное средство для достиженія этой цѣли — тьма и невѣжество, которымъ завѣдомо опутывается вся широкая матушка Русь.

Присмотримся-же поближе къ нашему государственному строю и этой адской машинѣ, которая держитъ въ тискахъ столько милліоновъ людей.

Во главѣ этой машины стоитъ русскій царь, неограниченный, самодержавный властелинъ надъ всѣми подданными Россіи; русскій монархъ стоитъ выше всѣхъ законовъ. Про него, какъ говорятъ, законъ не писанъ. Это значитъ, что царь можетъ по своему капризу

вводить новые законы, отмѣнять старые, а то и просто отдавать тѣ или другія приказанія помимо всякихъ законовъ. И, дѣйствительно, разъ существуетъ неограниченная самодержавная власть монарха, законъ не имѣетъ никакого значенія. По закону, напр., за участіе въ стачкахъ, за дѣйствія скопомъ рабочій можетъ быть наказанъ лишь непродолжительнымъ арестомъ. Но благодаря тому, что у насъ законъ не имѣетъ никакого значенія министръ издалъ съ Высочайшаго разрѣшенія указъ, чтобы всякія скопища разгонялись вооруженной силой. И вотъ рабочихъ избиваютъ, въ нихъ стрѣляютъ, ими наполняютъ тюрьмы и Сибирь, высылаютъ на родину по одному капризу министра, который получилъ на это царское милостивое разрѣшеніе. Обыкновенно темный людъ говоритъ, что царь здѣсь не причемъ, что во всемъ виноваты министры.

Но это вѣрно: министры не имѣютъ права по своему произволу измѣнять законы и издавать новые. Это право принадлежитъ только царю. Но когда совершаются ужъ очень гнусныя вещи, русскій царь прячется за спины своихъ министровъ и такимъ образомъ

въ глазахъ простодушныхъ обывателей выходитъ сухой и чистый изъ грязной воды. По закону, напримѣръ, въ солдаты и нельзя отдавать въ видѣ наказанія, — это есть общая обязательная для всѣхъ повинность. Но царь втопталъ въ грязь всѣ основные законы и приказалъ сдавать студентовъ въ солдаты не въ срокъ и не въ счетъ общей воинской повинности. Примѣровъ такихъ можно было бы привести тысячи. Что же все это значитъ? А то, что въ Россіи закона нѣтъ, хотя и имѣются десятки тысячъ законовъ, что у насъ царствуетъ полное беззаконіе и произволъ подъ прикрытіемъ самодержавной власти русскаго царя.

Защитники самодержавія ссылаются еще на то, что цари Божіей милостью поставлены царствовать надъ нами. Но кому неизвѣстно, что все это сказки, что Богъ тутъ не причемъ, что Петръ Великій первый захватилъ всю власть въ свои руки, поставивъ всю общественную жизнь подъ свой контроль. За нимъ и всѣ русскіе цари крѣпко держатся за эту неограниченную власть. Такъ продолжается и по настоящее время.

Необходимо ясно и точно понять смыслъ монархической власти: это неограниченный произволъ и беззаконіе, совершаемое царемъ и его министрами.

Но пойдемъ дальше и разсмотримъ всѣ остальные винтики нашего государственнаго строя. Около царя существуетъ такъ называемый „Государственный Совѣтъ“, который ярко бы обладаетъ законодательной властью, т. е., издаетъ всѣ законы. Но прежде всего въ составъ Государственнаго Совѣта входятъ особо важныя лица, назначаемыя самымъ государемъ, и министры. Само собою разумѣется, что при такомъ составѣ Государственный Совѣтъ и не можетъ дать ни одного постановленія, противорѣчащаго царской волѣ. Но еслибы Государственный Совѣтъ и принялъ какое-нибудь рѣшеніе, несогласное съ желаніемъ царя, царь можетъ стать и на сторону меньшинства Совѣта, даже одного члена, а то просто издать тотъ или другой законъ, нисколько не стѣсняясь мнѣніемъ Государственнаго Совѣта. Такъ земскіе начальники были введены, несмотря на то, что большинство Государственнаго Совѣта было противъ этого; за этотъ законъ былъ одинъ только

Побѣдоносцевъ, и Государь согласился съ нимъ.

Какъ видите, роль Государственнаго Совѣта въ смыслѣ изданія законовъ сводится къ нулю, — самодержавная власть царя на всѐ наложила свою тяжелую лапу.

Далѣе мы видимъ около царя такъ называемый „Комитетъ министровъ", въ составъ котораго входятъ всѣ министры и нѣсколько представителей отъ Государственнаго Совѣта. Предсѣдатель „Комитета министровъ" назначается самымъ государемъ. Въ комитетѣ министровъ разбираются всѣ особо важныя дѣла, такіе вопросы, которые не могутъ рѣшаться однимъ министромъ, наконецъ, что важнѣе всего, здѣсь издаются всѣ „временные законы". Но эти временные законы могутъ просуществовать десятки, сотни лѣтъ и ничѣмъ не отличаются отъ постоянныхъ законовъ, которые обсуждаются въ Государственномъ Совѣтѣ. Временные законы въ большинствѣ случаевъ совершенно противорѣчатъ основнымъ законамъ. А такъ какъ ихъ издано и издается видимо-невидимо, то въ концѣ концовъ нѣтъ никакой возможности разобраться въ этой путаницѣ, въ этой кашѣ русскихъ

законовъ, временныхъ правилъ, изъятій, циркуляровъ, предписаній и т. д. Но нашему правительству очень удобно удить рыбу въ этой мутной водѣ, въ этомъ царствѣ беззаконія.

Теперь перейдемъ къ нашимъ министерствамъ. Ихъ много: 1. министерство внутреннихъ дѣлъ, 2. — иностранныхъ дѣлъ, 3. — народнаго просвѣщенія, 4. — юстиціи, 5. — путей сообщенія, 6. — военное, 7. — морское и др. Каждое изъ нихъ дѣлится на цѣлый рядъ департаментовъ.

О каждомъ министерствѣ намъ придется говорить особо въ отдѣльныхъ листкахъ. Въ общемъ же можно сказать, что всѣ министерства по своему смыслу должны быть органами исполнительными, т. е. посредниками между высшей законодательной властью и всѣми мѣстными губернскими, уѣздными и городскими правительственными учрежденіями. Если-бы у насъ былъ Земскій Соборъ и министры были-бы предъ нимъ отвѣтственны за всѣ свои поступки, за веденіе своего дѣла, то они должны были бы дѣйствовать на строгой почвѣ закона, исполняли бы только то, что постановлено Земскимъ Соборомъ — вы-

борными отъ всего народа. Министры были бы облечены исключительно исполнительной властью.

Теперь же они у насъ являются своего рода маленькими царьками. Законы для нихъ почти не существуютъ, они сами издаютъ временные законы подъ прикрытіемъ самодержавной власти русскаго царя. Министры не только издаютъ временные законы и хозяйничаютъ въ своихъ министерствахъ. — Они полновластные господа надъ всей Россіей, потому что обратили всѣ мѣстныя губернскія учрежденія въ свою собственность, поставили тамъ своихъ сподручныхъ людей, которые обязаны имъ безпрекословно повиноваться, иначе они будутъ смѣщены и выброшены за бортъ. Далѣе они чуть ли не половину Россіи поставили подъ такъ называемую „усиленную охрану“. А это значитъ, что въ этихъ мѣстахъ нашему правительству все дозволяется, — вплоть до смертной казни военнымъ судомъ, т. е., почти безъ суда и слѣдствія. Кромѣ того, наши министры ввели для политическихъ преступниковъ, т. е., для людей, которые борются за свободу и лучшую

долю народную, такъ называемый „административный“ судъ, т. е., полное самоуправство жандармеріи и полиціи надъ лучшими людьми земли русской.

И виной всего этого опять таки неограниченная самодержавная власть монарха.

Чтобы замазать глаза простодушнымъ людямъ, учредили такъ наз. „Сенатъ“, который будто бы обязанъ слѣдить за законностью дѣйствій министровъ. Были случаи, когда Сенатъ находилъ дѣйствія министра незаконными, но и тутъ царь своею властью прекращаетъ дѣла о злоупотребленіяхъ министровъ. Поэтому Сенатъ фактически въ дѣла министровъ и царя не вмѣшивается, а ограничивается только тѣмъ, что является высшимъ судомъ въ Россіи: въ Сенатъ переносятся всѣ тѣ дѣла, которыми остались недовольны въ окружныхъ судахъ, судебныхъ палатахъ, т. е., въ низшихъ судеб. учреж.

Мы разсмотрѣли всѣ высшія правительственныя административныя учрежденія, находящіяся въ Петербургѣ — резиденціи царя.

Чтобы удержать весь народъ въ полномъ безпрекословномъ повиновеніи, царь и его министры ввели въ губерніяхъ и уѣздахъ ту-

же систему произвола и самоуправства, которые мы видѣли въ высшихъ учрежденіяхъ. Во главѣ губерній поставлены губернаторы, а въ помощь имъ даны полиція и жандармерія. Всѣ они подчинены министру внутреннихъ дѣлъ. Они зорко слѣдятъ, чтобы въ провинціи было тихо и спокойно, чтобы безпрекословно исполнялись всѣ предписанія свыше. Они усердно выколачиваютъ изъ народа подати и налоги, употребляютъ всѣ усилія, чтобы удержать народъ въ повиновеніи; заботятся о процвѣтаніи ввѣренной имъ губерніи, а въ переводѣ на простой языкъ, — объ обогащеніи казны, купцовъ, фабрикантовъ, дворянъ. И не дай Богъ, если гдѣ нибудь крестьяне или рабочіе вздумаютъ выразить громко свое недовольствіе или выставить какія либо требованія. Сейчасъ же на сцену является губернаторъ съ полиціей, жандармами, казаками и начинается обычная россійская экзекуція. Да иначе и не возможно, потому что произволъ и беззаконіе идетъ сверху, и царитъ въ глухой провинціи. Во всѣхъ учрежденіяхъ губерніи, во всѣхъ ея присутствіяхъ работаютъ и самоуправствуютъ одни и тѣ же лица: во главѣ губернаторъ, за нимъ —

вицегубернаторъ, прокуроръ, предводитель дворянства, предсѣдатель казенной палаты и всякіе другіе чиновники и высокопоставленные люди. И разумѣется, что они стараются изо всѣхъ силъ обратить все въ свою пользу. А о народѣ, если имъ приходится думать и говорить о немъ, такъ только въ томъ смыслѣ, чтобы это „мужичье“ не выходило изъ предѣловъ покорности и повиновенія и съ умиленіемъ въ душѣ наполняло казну и ихъ карманы кровными денежками.

Въ придачу къ нимъ введены еще земскіе начальники, которымъ дана полная власть надъ крестьянами. Они одновременно и слѣдствія производятъ, и судятъ, и собственные свои приговоры въ исполненіе приводятъ, когда нужно, „отечески“ сѣкутъ; они и за школами слѣдятъ, а главное — въ душахъ крестьянъ мысли и чувства читаютъ. Не дай Богъ, если они замѣтятъ тамъ недовольство или непочтительность къ начальству. Это въ маленькомъ видѣ полновластные царьки надъ крестьянами.

Но у насъ еще имѣются земства, городскія думы, которыя въ свое время успѣли принести нѣкоторую пользу народу. Но за по-

слѣдніе 15 лѣтъ министры и губернаторы вполнѣ подчинили эти выборныя учрежденія своей власти, ограничили ихъ дѣятельность одними пустяками, а самыл важныя дѣла забрали въ свои руки; однимъ словомъ зорко слѣдятъ за ними, чтобы они исполняли только то, что захочетъ высшая власть. Если же они замѣтятъ какое либо неповиновеніе или непочтительность, то распускаютъ собранія, увольняютъ гласныхъ, членовъ управы и назначаютъ своихъ сподручныхъ людей.

Какъ видите, съ самаго верху до самаго низу, начиная съ столицъ и большихъ городовъ и кончая послѣдней деревней, — вездѣ господствуетъ одна система произвола, беззаконія, одна система неограниченной самодержавной власти царя и министровъ. Для нихъ нѣтъ ничего святого — ни народныхъ интересовъ, ни блага Россіи. Для нихъ важно только одно: удержать безконтрольную власть въ своихъ рукахъ и съ ея помощью набивать свою мошну. Для этой цѣли они и сосредоточили въ своихъ рукахъ всѣ нити законодательной, исполнительной и судебной власти, смѣшали все это въ одну кучу, втоптали въ грязь законы и правду, опутали насъ цѣлой

сѣтью шпіоновъ, сыщиковъ и жандармовъ, убили свободную мысль и душу человѣка, уничтожили самоуправленіе городовъ и земствъ, однимъ словомъ, обратили всю Россію въ холопскую, рабскую страну. Но заря рабочаго движенія поднимается надъ спящей страной. Рабочій классъ не снесетъ позора рабства, не примирится съ произволомъ и эксплуатаціей высшихъ классовъ, не прекратитъ борьбы, пока не добьется необходимой ему свободы, безъ которой немыслимо дальнѣйшее рабочее движеніе. Рабочій классъ понесетъ своему обездоленному народу свободу, равенство и братство!!!

С.-Петербургъ, Январь 1902 г.

(Изданіе С.-Петербургскаго Союза Борьбы)

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

НА ЗЛОБУ ДНЯ

Мелкія запрещенныя статьи и стихотворенія

М. Горькаго, Л. Н. Толстого и другихъ

— Разрушенный молъ. — Лѣсъ рубятъ. — Письмо Л. Н. Толстого къ царю. — Два письма Л. Н. Толстого. — Побѣдоносцевъ какъ отрицатель самодержавія В. Ч. — Голуби побѣдители. — Ослы и Левъ.

Цѣна 1 мар.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ВСТУПЛЕНІЕ

къ критикѣ догматическаго богословія и изслѣдованію христіанскаго ученія

(ИСПОВѢДЬ)

Цѣна 3 мар.